

ЛДПР

РОССИЯ – США:

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ
КАК МИШЕНЬ МИРОВОГО КАПИТАЛА

Многие россияне уверены в том, что Запад во главе с Соединенными Штатами Америки намеревается уничтожить нашу страну. Но лишь немногие российские патриоты начинают подозревать, как именно они собираются это сделать.

Главная ирония заключается в том, что, пока Россия беспокоится о своих углеводородах, США без всякого шума забирают у нее ее настоящее сокровище — человеческий капитал.

Неужели протянувшаяся на всю Евразию Россия не имеет собственной самобытной культуры? Неужели мы и наши потомки на всегда обречены донашивать выброшенную на помойку старую идеологическую одежду США и восхищаться ими — за каждое разрушенное государство вроде Югославии, Ливии или Ирака с Сирией, за каждого убитого серба или араба?

Пора встать с колен и перестать молиться на США! Они уже не генератор новых идей и мыслей, а затхлое болото, в котором тонет любая здоровая инициатива.

Вперед, Россия! Наше дело правое, победа будет за нами!

Владимир Жириновский

г. Москва,
Ленинский проспект,
д. 1/2, корп. 1,
тел.: 8 (800) 234-77-20

30
лет
ЛДПР

РОССИЯ – США: РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ КАК МИШЕНЬ МИРОВОГО КАПИТАЛА

Москва
❾

Россия – США: российская государственность как мишень мирового капитала. — М.: Издание ЛДПР, 2020. — 112 с.

В этой книге рассматриваются вопросы, связанные с опасностью распада России, уничтожения ее экономического, оборонного, научно-технического и духовного потенциала, кровавых конфликтов и классического манипулирования общественным сознанием.

Подробно разбираются проблемы, связанные с угрозой существованию России. Это создание и использование США глобальной универсальной системы для завоевания мирового господства и ликвидации России, тайные программы по разрушению и поглощению нашей страны.

В брошюре использованы некоторые материалы из выступлений американского политолога Уильяма Блума в Центре исторической экспертизы и государственного прогнозирования РУДН в ноябре 2015 года.

Редакционный совет:
В.В. Жириновский
С.А. Воронин
Б.А. Чернышов

Подписано в печать: 22.05.2020. Формат 60x90/16.

Печать офсетная. Усл.-печ. л. 7. Тираж 5000 экз.

Заказ № . Изготовлено по заказу РССМ
в ООО «КОНТИ ПРИНТ».

Адрес: 129223, г. Москва, пр-кт Мира, д. 119, стр. 47.

ПРЕВРАТНОСТИ АМЕРИКАНСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Однажды, еще в самом начале боевых действий во Вьетнаме, один офицер-вьетконговец задал вопрос пленному американскому военнослужащему: «После войны мы считали вас героями. Мы читали американские книги, смотрели американские фильмы, и обычным желанием вьетнамца в то время было «стать таким же богатым и ловким, как американец». Что же произошло?»

Десять лет до этого подобный вопрос мог задать американцу житель Гватемалы, Индонезии, Кубы или же уругваец, чилиец и грек десятилетие спустя. Доброжелательное отношение и доверие, которые питали к Соединенным Штатам народы других стран в конце Второй мировой войны, исчезали с каждой новой интервенцией, государство за государством отворачивались от них. Шанс построить разоренный войной мир заново, заложить основы мирной жизни, процветания и справедливости рухнул под тяжким грузом антикоммунизма и «гуманитарных» интервенций.

Этот груз накапливался исподволь на самом деле с первого дня русской революции. Летом 1918 года американские войска численностью около 13 тыс. человек вторглись на территорию мо-

лодой Советской России. Два года спустя, потеряв тысячи солдат и офицеров, американцы убрались восвояси, так и не выполнив своей миссии, состоявшей в том, чтобы «задушить большевистское государство в колыбели», как выразился Уинстон Черчилль.

В то время молодой еще Черчилль был военным министром и министром королевского военно-воздушного флота. Именно ему принадлежит главная роль одного из организаторов вторжения союзников (Великобритании, США, Франции, Японии и некоторых других стран) в Советскую Россию, войска которых выступили на стороне контрреволюционной Белой гвардии. Годы спустя Черчилль — уже как историк — написал о той редчайшей афере следующие строки в своих мемуарах, оставленных для потомков: «Находились ли они (союзники) в состоянии войны с Россией? Разумеется, нет; но советских людей они убивали без разбора. Они были захватчиками на русской земле. Они вооружали врагов советской власти. Они блокировали порты России и топили ее боевые корабли. Они действительно желали ей гибели и составляли планы по ее свержению. Но война — это же ужасно! Интервенция — это же позор! Им совершенно все равно, твердили они, как русские решают свои внутренние дела. Они были совершенно непредвзяты... стреляя!»

Что же было такого в большевистской революции, если она так встревожила самые мощные державы мира? Что заставило их вторгнуться в страну, чья армия сражалась более трех лет в союзе с ними и понесла больше потерь, чем любое другое государство во время мировой войны?

Большевики осмелились заключить сепаратный мир с Германией, чтобы выйти из войны, которую считали империали-

стической и ни в коем случае не своей, и попытались восстановить изнуренную и опустошенную Россию. Но большевики пошли дальше этого и вознамерились свергнуть феодально-капиталистическую систему, провозгласив первое в истории человечества социалистическое государство, а это была уже наглость, не имеющая границ. Это было преступлением, за которое полагалось наказание, это был вирус, который подлежал уничтожению: иначе он заразит и их народы. Вторжение не достигло своей непосредственной цели, однако его последствия оказались глубокими, и они остаются по сей день. Профессор Университета Вандербильта Д. Ф. Флеминг, историк холодной войны, отмечал: «Для американского народа интервенция в Россию отнюдь не являлась трагедией космического масштаба — скорее, это был незначительный инцидент, давно забытый. Для народов же Советской России и их руководителей это время, наоборот, было периодом бесконечных убийств, мародерства и грабежей, болезней и голода, нескончаемых страданий десятков миллионов людей — трагедией, которая намертво врезалась в сознание нации, которая не будет забыта многими и многими поколениями, если вообще будет забыта когда-либо. И жестко регламентированная жизнь советских людей в течение многих лет может быть оправдана целиком их страхом перед тем, что капиталистические державы однажды вернутся, чтобы завершить свое дело. Поэтому не удивительно, что в своем обращении 17 сентября 1955 года в Нью-Йорке Председатель Совмина СССР Хрущев вдруг напомнил нам об интервенции, «времени, когда вы послали войска, чтобы задушить революцию», как он выразился».

В докладе, опубликованном Пентагоном в 1920 году и посвященном этому вмешательству, являющемуся дурным предзнаменованием бесчувственности сверхдержавы к проблемам других народов, читаем: «Эта экспедиция представляет собой прекрасный пример помощи народу, борющемуся за новую свободу в чреде благородных, бескорыстных действий при очень трудных обстоятельствах».

История не показала нам, как выглядел бы Советский Союз, если бы ему было позволено развиваться «нормальным» путем — путем, который он выбрал сам. Однако мы хорошо знаем суть того Советского Союза, который пережил вторжение уже на стадии становления, поднялся один в изоляции, находясь во враждебном окружении, а когда смог выжить и достичь зрелости, подвергся нападению со стороны военной машины нацистов с благословения западных держав. Как результат, незащищенность и страх перед внешней агрессией неизбежно привели к деформации характера народа, подобно тому как это происходит с отдельным человеком, выросшим в схожих условиях, когда его жизнь подвергается опасности.

Антикоммунистическая пропагандистская кампания началась даже раньше, чем интервенция. Еще не закончился 1918 год, а выражения: «красная опасность», «большевики атакуют цивилизацию», «красные являются угрозой для всего мира» уже пестрели на страницах газеты «Нью-Йорк таймс».

В феврале и марте 1919 года юридический подкомитет Сената США проводил слушания, на которых рассматривались «кужасы, творимые большевиками». Характер некоторых показаний можно по достоинству оценить, просмотрев номер обычно сдержанной и уравновешенной газеты «Нью-Йорк таймс»

от 12 февраля 1919 года: «УЖАСЫ, ТВОРЯЩИЕСЯ ПОД ВЛАСТЬЮ КРАСНЫХ. Р.Э. СИМОНС (R.E. SIMONS) И У.У. УЭЛШ (W.W. WELSH) РАССКАЗАЛИ СЕНАТОРАМ О ЖЕСТОКОСТЯХ БОЛЬШЕВИКОВ: ОНИ РАЗДЕВАЮТ ЖЕНЩИН НА УЛИЦАХ, ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВСЕХ КЛАССОВ, КРОМЕ ОТЪЯВЛЕННЫХ ПОДОНКОВ, ПОДВЕРГАЮТСЯ НАСИЛИЮ СО СТОРОНЫ ЧЕРНИ».

Историк Фредерик Льюис Шуман писал: «Конечным итогом этих слушаний... стало то, что Советскую Россию начали изображать как некое подобие сумасшедшего дома, населенного бесправными рабами, находящимися полностью во власти шайки маньяков-убийц, имеющих целью разрушить устои цивилизации и вернуть народ назад в варварство».

Ни одну историю о большевиках не считали слишком надуманной, невероятной, гротескной или извращенной, чтобы ее не напечатать, чтобы не верить ей: начиная от национализации женщин и кончая пожиранием младенцев (кстати, в этом язычники обвиняли ранних христиан, да и евреи выслушивали подобные обвинения в Средние века). Истории с жуткими подробностями о женщинах, ставших государственной собственностью и обязанных принудительно вступать в брак, рассказы о «свободной любви» и т.д. «передавались на всю страну по тысячам каналов», писал Шуман, «и они, наверное, сделали больше, чем все остальное, для того чтобы создать в сознании американских граждан штамп о коммунистах как о преступниках-извращенцах».

Подобные сказки имели широкое хождение, даже после того как Госдеп был вынужден официально объявить их все фальшиви-

ками. (О том, что советские люди едят своих детей, рассказывали членам политической организации «Общество Джона Берча» на их занятиях, по крайней мере до 1978 года.)

К концу 1919 года, когда поражение союзников и Белой гвардии уже было весьма вероятным, газета «Нью-Йорк таймс» потчевала своих читателей статьями под следующими заголовками:

«Красные стремятся к войне с Америкой» — 30 декабря 1919 года;

«Официальные круги считают большевистскую угрозу на Ближнем Востоке крайне опасной» — 9 января 1920 года;

«Официальные лица и дипломаты союзных стран полагают, что вторжение в Европу возможно» — 11 января 1920 года;

«Дипломатические круги союзных стран боятся вторжения в Персию» — 13 января 1920 года;

Заголовок на первой полосе шириной в восемь колонок: «Британии грозит война с красными. Она созывает заседание совета в Париже» — 16 января 1920 года;

«Хорошо информированные дипломаты ожидают военного вторжения в Европу и наступления Советов в Юго-Восточной Азии». На следующее утро, однако, новое сообщение: «Никакой войны с Россией. Союзники готовы с ней торговаться»;

«Красные собирают армию для нападения на Индию» — 7 февраля 1920 года;

«Угроза вторжения большевиков на территорию Японии» — 11 февраля 1920 года.

Читателям «Нью-Йорк таймс» предлагали поверить в то, что угроза вторжения исходит от страны, разрушенной так, как были разрушены немногие другие государства в истории человече-

ства; от страны, все еще пытающейся оправиться от ужасов Первой мировой войны, страдающей от хаоса, вызванного только что завершившейся коренной социальной революцией невиданного доселе масштаба, и ввергнутой в жестокую Гражданскую войну против сил, пользующихся поддержкой ведущих держав мира. Промышленность этой страны, и ранее не считавшаяся передовой, лежит в руинах, а народ находится в тисках голода, который, прежде чем закончиться, унесет еще многие миллионы человеческих жизней.

В 1920 году журнал «Нью рипаблик» представил подробный анализ новостных репортажей «Нью-Йорк таймс», посвященных российской революции и интервенции. Среди всего прочего журнал отметил, что в течение двух лет после Октябрьской революции 1917 года «Нью-Йорк таймс» не менее 91 раза заявляла, что «Советы либо уже приближаются к виселице, либо уже нашли свой конец».

Если реальность представляла такой на страницах столы «уважаемого» издания, можно себе представить, каким дьявольским варевом потчевали своих читателей другие американские газеты.

Таковым было первое знакомство американского народа с новым феноменом, появившимся в мире, так сказать, первой лекцией о сущности Советского Союза и штуке под названием «коммунизм». Студенты так и не оправились после этого урока, впрочем, как и сам Советский Союз.

Военная интервенция завершилась, однако агрессивная пропаганда никогда не прекращалась, за полным или частичным исключением периода Второй мировой войны. В 1943 году журнал *Life* посвятил целый выпуск достижениям Советского Союза,

явно выйдя за рамки того, чего требовала солидарность военного времени; издание зашло так далеко, что назвало Ленина «возможно, самым великим человеком современности».

Однако два года спустя, когда в Белом доме уже находился Гарри Трумэн, такое выражение братских чувств вряд ли имело шанс на успех. В конце концов, именно Трумэн был тем человеком, который заявил через день после вторжения нацистов на территорию СССР: «Если мы увидим, что побеждает Германия, мы должны будем помогать России, а если начнет побеждать Россия, мы должны будем помогать Германии, и пусть они убивают друг друга как можно больше, хотя я не желаю победы Гитлера ни при каких обстоятельствах».

Поводом для пропагандистской шумихи стал и советско-германский пакт 1939 года, хотя ее авторы полностью проигнорировали тот факт, что СССР был вынужден заключить его из-за неоднократного отказа западных стран, особенно США и Великобритании, объединить свои усилия с Москвой и выступить против Гитлера единым фронтом, так же как и отказ прийти на помощь ориентирующемуся на социализм правительству Испании, которое боролось с агрессией немецких, итальянских и испанских фашистов начиная с 1936 года. Сталин прекрасно осознавал, что если Запад не защитит Испанию, то, конечно, не спасет и Советский Союз.

Начиная с «красной угрозы», о которой кричали в 1920-х, в эпоху маккартизма, свирепствовавшего в 1950-е, и вплоть до «крестового похода против империи зла», объявленного Рейганом в 1980-х, американский народ неустанно подвергался регулярным инъекциям антикоммунизма и ненависти к русским.

Американцы впитывают подобные идеи с молоком матери, черпают их из книг, комиксов и школьных учебников. Об этом кричат заголовки ежедневных газет, которые рассказывают гражданам обо всем, что те должны знать, то же самое проповедуют министры, вторят политики в своих предвыборных выступлениях, а на этом всем делает деньги журнал «Ридерс дайджест».

В результате такой вероломной атаки на сознание граждан растет глубокое убеждение в том, что на мир было ниспослано ужасное проклятие, может быть, самим дьяволом, но в образе людей, и мотивы этих людей далеки от нужд, умения, чувств и морали обычного человека, который управляет себе подобными; они вовлечены в чрезвычайно хитрый международный заговор, имеющий целью захватить весь мир и поработить его, руководствуясь не вполне понятными причинами, хотя зло не нуждается в других мотивах, кроме желания творить зло. Более того, любое заявление этих людей о том, что они являются разумными человеческими существами, стремящимися сделать мир и общество лучше,— есть притворство и обман с целью ввести в заблуждение других и прикрыть их коварство; репрессии и жестокости, творившиеся в Советском Союзе и в России, представляют собой свидетельство полной несостоятельности добродетели и дьявольских намерений этих людей, в какой бы стране они ни находились и как бы они сами себя ни называли; и — что самое важное — единственная альтернатива, открытая для каждого в Соединенных Штатах, это возможность выбирать исключительно между американским образом жизни и образом жизни советским, и ничего между ними и за пределами этого пути построения мирового порядка не существует.

Примерно так все это видится простым гражданам США. Между тем и образованные, умудренные опытом люди, если копнуть поглубже и посмотреть, что скрывается за их внешней ученьстью, оказывается, думают точно так же.

Для человека, выросшего в Соединенных Штатах, истинность антисоветизма и русофобия являются сами собой разумеющимися, как когда-то не вызывало никаких сомнений утверждение, что земля плоская, или как русский народ верил в виновность жертв сталинских чисток, искренне считая их изменниками Родины.

Чтобы понять превратности американской внешней политики после Второй мировой войны, необходимо учитывать предшествующую часть американской истории.

В 1918 году американским финансовым кругам не требовалось иных причин, для того чтобы развязать войну против коммунизма, кроме угрозы их богатствам и привилегиям, правда, их враждебность тогда выражалась лишь в терминах морально-гегемонистского негодования.

В период между двумя мировыми войнами американская «дипломатия канонерок» действовала в Карибском море, чтобы сделать это «американское озеро» безопасным для судов компаний «Юнайтед фрут» и W.R. Grace & Co. и одновременно предупредить большевистскую угрозу, выраженную в действиях таких людей, как никарагуанский повстанец Аугусто Сандино.

К концу Второй мировой войны каждый американец старше 40 лет прожил приблизительно 25 лет в условиях облучения антисоветистической истерией — период, достаточный для развития злокачественных образований. Антисоветизм поро-

дил собственную модель жизни, независимую от ее капиталистического «родителя». Вашингтонские политики и дипломаты средних лет в послевоенный период все чаще и чаще рассматривали весь мир как состоящий из «коммунистов» и «антикоммунистов», а не из наций, движений или отдельных индивидуумов. Это видение мира, похожее на комикс с праведными американскими суперменами, борющимися везде с коммунистическим злом, превратилось из циничных пропагандистских упражнений в моральный долг американской внешней политики.

Даже концепция «третьего пути», подразумевающая некоторую степень нейтралитета, получила только скучную легитимность в этой парадигме. Джон Фостер Даллес, один из главных архитекторов послевоенной американской внешней политики, кратко выразил это с присущим ему морализмом: «Для нас существуют два типа людей в мире: есть христиане, поддерживающие свободное предпринимательство, и все остальные».

Слово «коммунист» (как и «марксист»), ставшее синонимом русских, было настолько затащено и извращено американскими руководителями и СМИ, что потеряло свой фактический первоначальный смысл. Но ведь даже простое наличие названия чего-то — ведьм или летающих тарелок — предполагает определенную веру в его существование.

В то же время американскую общественность, как мы увидели, основательно натренировали, чтобы она реагировала на этот термин, словно «собаки Павлова» на звук: он, «коммунизм», означал и худшие беззакония сталинской эпохи — от массовых репрессий до сибирских гулаговских лагерей; он означал, как заметил Майкл Перенти, что «классические марксистско-ленинские

прогнозы [относительно мировой революции] рассматриваются в качестве заявок на практические действия современного коммунизма». Это означало «мы» против «них».

Среди «них» мог быть филиппинский крестьянин, законно избранный премьер-министр в Британской Гвиане или европейский интеллектуал. Среди «них» мог оказаться камбоджийский сторонник «третьего пути» или африканский националист — все они были каким-то образом частью единого заговора, каждый из «них» в некотором роде оказывался угрозой американскому образу жизни; любая страна, даже маленькая, очень бедная или расположенная слишком далеко, все равно представляла угрозу, причем «коммунистическую угрозу».

Не имело никакого значения — были они специалистами по диалектическому материализму или же никогда не слышали о Карле Марксе; были они атеистами или священниками; была сильная и влиятельная коммунистическая партия на политической арене или нет; пришло правительство к власти путем кровавой революции или же мирных выборов. Все были целями, все были «коммунистами».

Еще меньшее значение в этой картине мира имело присутствие советского КГБ. Часто озвучивалось утверждение, что ЦРУ выполняет свои грязные трюки в основном как ответ на операции КГБ, которые были «еще более грязными». Это чистейший обман. Возможно, и были отдельные случаи такого рода в ходе деятельности ЦРУ, но они остались тайной. Отношения между двумя зловещими агентствами отмечены более глубокими дружбой и уважением к коллегам-профессионалам, чем рукопашная схватка. Бывший сотрудник ЦРУ Джон Стоквелл написал: «На самом деле в ходе большинства рутинных операций оператив-

ные сотрудники больше опасались американского посла и его сотрудников, сдерживающих действия штаба, и еще любопытных, сплетничающих местных жителей, которые могли стать угрозой для операций. Тогда прибыла бы местная полиция, за ней и преска. Последними из всех было КГБ, за мои 12 лет службы я никогда не видел или не слышал о ситуации, в которую бы КГБ вмешивался или затруднял какую-либо операцию ЦРУ».

Сторонники теории «борьбы огня с огнем» временами схлестываются и утверждают, что если КГБ, например, приложил руку к свержению правительства Чехословакии в 1968 году, то для ЦРУ вполне приемлемо приложить руку к свержению правительства Чили в 1973 году. Якобы уничтожением демократии КГБ вносит денежные средства на банковский счет, с которого затем ЦРУ оправданно может их снять.

Что же тогда связывало различные объекты американской агрессии, что вызывало гнев, а то и грохот пушек самой могущественной страны в мире? Фактически в каждом из случаев, касающихся стран третьего мира, это была в той или иной форме политика «самоопределения»: рожденное необходимостью и принципом желание следовать независимым от целей внешней политики США путем развития. Обычно это прослеживалось в:

- а) стремлении освободить себя от экономической и политической зависимости от США;
- б) отказе свести на нет отношения с социалистическим блоком, отказе от подавления «левых» у себя дома или отказе от размещения американских военных баз на своей территории — короче говоря, отказе быть пешкой в холодной войне;

в) попытке переделать или заменить правительство, которое не придерживалось ни одного из этих направлений, правительством, поддерживаемым Америкой.

Такая политика независимости проявлялась в деятельности многочисленных лидеров и революционеров третьего мира, при этом на нее нельзя навешивать ярлык «прокоммунистической» или «антиамериканской», их позиция была простым проявлением нейтралитета или неприсоединения к той или иной сверхдержаве. Однако, как мы увидим, США не были готовы мириться с таким положением вещей. Арбенс в Гватемале, Мосаддык в Иране, Сукарно в Индонезии, Нkruma в Гане, Джаган в Британской Гвиане, Сианук в Камбодже — все они, настаивал Дядя Сэм, должны однозначно занять сторону «свободного мира» или ответить за последствия отказа. Случай отказа от неприсоединения Нkruma описал следующим образом: «Суть эксперимента, который мы предприняли в Гане, состоял в том, чтобы развивать страну, сотрудничая со всем миром как единым целым. Неприсоединение означало именно то, что и должно означать это слово. По сравнению с правительствами старых колониальных держав мы не были враждебны странам социалистического мира. Следует напомнить, что, в то время как у себя дома британская метрополия следовала курсу сосуществования с Советским Союзом, британским колониальным территориям никогда это не позволялось делать. Книги по социализму, которые публиковались и находились в свободном доступе в Великобритании, были запрещены в британской колониальной империи, и, после того как Гана стала независимой, за границей предполагали, что страна продолжит следовать тем же самым сдерживающим идеологи-

ческим методам. Когда же мы повели себя так же, как и британцы в отношениях с социалистическими странами, нас обвинили в том, что мы ведем просоветский курс и несем самые опасные идеи в Африку».

Это напоминает о событиях американского Юга XIX столетия, когда множество жителей южных штатов были обижены до глубины души, что такое большое количество их темнокожих рабов сбежало в ходе Гражданской войны на сторону северян. Они действительно полагали, что черные должны быть благодарны за все то, что их белые хозяева сделали для них, и что они были счастливы и довольны своей судьбой. Знаменитый хирург и психолог из штата Луизиана доктор Сэмюэль А. Картрайт вполне серьезно утверждал, что многие рабы пострадали от формы психического заболевания, которое он назвал «драпетомания», симптомом чего было не поддающееся контролю стремление сбежать из рабства. Во второй половине XX века эта болезнь в странах третьего мира обычно называлась «коммунизмом».

Возможно, наиболее укоренившимся ант коммунистическим предрассудком стала убежденность в том, что Советский Союз (или Куба, или Вьетнам и т.д., действующие как суррогат Москвы) — это тайная сила, скрывающаяся за фасадом самоопределения, но имеющая целью разбудить гидру революции или просто устроить беспорядок — здесь и там, везде, где только можно; еще одно воплощение, правда, в намного большем масштабе, пресловутого «внешнего врага», который регулярно появляется на протяжении всей истории. Король Георг обвинял французов в подстрекательстве американских коло-

ний к восстанию; разочарованные американские землевладельцы и ветераны боевых действий, протестующие против своего тягостного экономического положения после революции (восстание Шейса), клеймились как британские агенты, стремящиеся разрушить новую республику; трудовые забастовки в конце XIX века в Америке являлись рукой «анархистов» и «иноzemцев», во время Первой мировой войны — «немецких агентов», после войны — «большевиков».

А в 1960-х годах американская Национальная комиссия по причинам и предотвращению насилия заявила, что Джон Эдгар Гувер «смог навязать полиции убеждение, что массовые протесты любого вида являются следствием распространения тайных заговоров агитаторами, обычно коммунистами, которые дезориентируют думающих иначе людей».

Последняя ключевая мысль, которая раскрывает сущность конспирологического менталитета людей, пребывающих во власти, — это идея о том, что никакой народ, за исключением того, кто живет под властью врага, не может быть столь несчастным и недовольным, чтобы прибегать к революции или массовым протестам; это — исключительно агитация внешних сил, которые сбивают всех с истинного пути.

Таким образом, если бы Рональд Рейган допустил, что у народа Сальвадора есть серьезные основания для протестов против своего ужасного существования, это поставило бы под вопрос его обвинения Советского Союза (и только его ли?) в том, что именно он со своими кубинскими и никарагуанскими союзниками является главным, кто подстрекает сальвадорцев: мол, это везде — магическая сила коммунистов, которая легким дви-

жением «красной руки» превращает мирных, счастливых людей в яростных партизан.

И это поставило бы под вопрос и целесообразность американского вмешательства. ЦРУ прекрасно известно, насколько это сложный трюк. ЦРУ, как мы увидим, пыталось поднять массовые восстания в Китае, на Кубе, в Советском Союзе, Албании и всюду в Восточной Европе без единого шанса на успех. Сотрудники управления возложили вину за эти неудачи на «закрытый» характер обществ, вовлеченных в эти события. Но в некоммунистических странах ЦРУ вынуждено было прибегать к военным переворотам или иным уловкам, чтобы поставить у руля своих людей. ЦРУ ни разу не смогло разжечь пламя народной революции.

Если уж считать благом вмешательство Вашингтона в революционные процессы третьего мира, то имеет смысл задать вопрос: почему Соединенным Штатам, если они обязательно должны вмешиваться, не встать на сторону восставших? Это могло бы не только послужить во благо прав человека и справедливости, но и позволило бы перехватить инициативу у Советского Союза. Не будет ли это лучшим способом разрушить мировой коммунистический заговор? Но это — вопрос, который не осмеливались озвучивать в Овальном кабинете, вопрос, который имеет отношение ко многим историям в этой книге.

Вместо этого Соединенные Штаты по-прежнему остаются верными политике установления и/или поддержки самой отвратительной тирании в мире, с ее бесчинствами против своих граждан, с которыми мы сталкиваемся ежедневно на страницах наших газет: зверская резня; систематические изощренные пытки; публичные

порки; солдаты и полицейские, стреляющие в толпу; правительственные поддержка эскадронов смерти; десятки тысяч пропавших без вести людей; экономическая разруха... Все это стандартный «стиль жизни» практически всех союзников Америки — от Гватемалы, Чили и Сальвадора до Турции, Пакистана и Индонезии. Зато все они денно и нощно готовы к «священной войне против коммунизма» и против России, все они — страны «свободного мира», мира, о котором мы слышим так много, а видим так мало.

Незначительные нарушения гражданских свобод, имевшие место в СССР и в России, бледнеют по сравнению с доморощенными освенцимами «свободного мира»; эти нарушения не имеют никакого отношения и не идут ни в какое сравнение с разного рода американскими вмешательствами, совершаемыми якобы ради высшего блага. И только странный интеллектуальный ландшафт, заселенный закоренелыми антикоммунистами и русофобами, считает по-другому.

В начале 1950-х годов Центральное разведывательное управление (ЦРУ) США спровоцировало несколько военных вторжений в коммунистический Китай. В 1960 году самолеты ЦРУ безо всякого повода бомбили суверенное государство Гватемала. В 1973 году ЦРУ инспирировало кровавое восстание против правительства Ирака. В американских средствах массовой информации и, соответственно, в мыслях американцев этих событий вообще не было.

Фраза «мы не знали, что происходило» стала клише для высмеивания тех немцев, которые утверждали, что не ведали о событиях, совершаемых при нацистах. Был ли действительно их дежурный ответ так неправдоподобен, как нам кажется? По трезвому размышлению следует отметить, что в нашу эру скоростных

глобальных коммуникаций Соединенным Штатам во многих случаях удавалось развернуть ограниченные или крупномасштабные военные операции, предпринять другие, не менее вспыхивающие формы агрессии без ведома американской общественности — люди узнавали о них только несколько лет спустя, если узнавали вообще. Часто единственное упоминание о событии или участии США исходило от коммунистических правительств — тип новостей, которые американский народ приучили отмечать без обсуждения, а прессу — не развивать; точно так же немецкий народ учили, что новости из-за границы о нацистских преступлениях были не более чем коммунистической пропагандой.

За редким исключением случаи агрессии никогда не становились заголовками газет или темами вечерних теленовостей. Некоторые кусочки истории всплывали тут и там, но редко объединялись в единое целое, чтобы сформировать связную и ясную картину происходящего. Подробности обычно появляются спустя долгое время после события, спокойно похороненного среди других историй, столь же беспечно забытых. Лишь иногда они вырывались на передний план, когда это диктовалось чрезвычайными обстоятельствами: например, захват в заложники сотрудников американского посольства и других граждан США иранцами в Тегеране в 1979 году вызвал массу статей о роли Соединенных Штатов в свержении иранского правительства в 1953 году. Редакторов изданий как будто подвели к мысли: «Послушайте, что же мы такого наделали в Иране, что заставило их всех так нас ненавидеть?»

И хотя в недавнем прошлом Америки было много таких «иранов», но поскольку они не привлекли внимания «Нью-Йорк

дэйли» или «Лос-Анджелес таймс», не брали за шиворот американцев и не тыкали их лицом в происходящее, а NBC не связывало все это в реальную картину реальных людей для своей аудитории,— эти столкновения не стали событиями для большинства американцев, и они могут честно сказать: «Мы не знали, что происходило».

Бывший китайский премьер-министр Чжоу Эньлай однажды подметил: «Одна из удивительных особенностей американцев — это то, что у них нет абсолютно никакой исторической памяти». Дело, возможно, обстоит еще хуже, чем он себе представлял. Во время несчастного случая на АЭС «Три-Майл-Айленд» в Пенсильвании в 1979 году японский журналист Ацуо Канеко из японской информационной службы Киото провел несколько часов, интервьюируя людей, временно размещенных на хоккейном поле; в основном это были дети, беременные женщины и молодые матери. Он обнаружил, что никто из них не слышал о Хиросиме. Упоминание этого слова упиралось в стену непонимания. Также в 1982 году судья в Окленде, штат Калифорния, сказал, что был потрясен, когда опросил приблизительно 50 будущих присяжных заседателей для суда по делу об убийстве и «никто из них не знал, кто такой Гитлер».

Для внешнеполитической олигархии в Вашингтоне это больше, чем естественно. Это — непременное условие.

Фактическая цензура, которая оставляет так много американцев по-настоящему непросвещенными в истории иностранных дел США, может быть еще более эффективной, потому что она не является чересчур официозной, сложной или конспирологической, так как она бесхитростно вплетается в ткань образова-

ния и СМИ. Не нужно никакого заговора. Редакторам «Сборника новостей» и «Американских новостей и мировых сводок» нет необходимости тайно встречаться с представителями Эн-би-си (NBC) на конспиративной квартире ФБР, чтобы запланировать сюжеты и программы следующего месяца. Истина заключается в том, что эти люди не достигли бы занимаемых ими должностей, если бы сами не прошли по тем же туннелям закамуфлированной истории, выходя оттуда с избирательной памятью и общепринятым мнением.

Как-то мне довелось столкнуться с обзором книги о людях, отрицающих реальность холокоста. Я написал автору, профессору из университета, что ее книга заставила меня задаться вопросом, знала ли она о существовании холокоста, совершенного Америкой, и что его отрицание превосходит по силе отрицание нацистского холокоста. Опровержение американского холокоста настолько широко и глубоко, что люди, отрицающие его, даже не знают о существовании несогласных с ними или их аргументах. Между тем несколько миллионов человек погибли в результате американского холокоста, еще больше были обречены жить в нищете и муках в результате американских вмешательств, начиная от Китая и Греции в 1940-х до Афганистана и Ирака в 1990-х, Югославии, Ливии.

К концу Второй мировой войны, когда победоносные союзники обнаружили немецкие концентрационные лагеря, в некоторых случаях немецких граждан из близлежащих городов привозили туда, заставляя встретиться лицом к лицу с этим учреждением, с горами трупов и все еще живыми скелетоподобными людьми; некоторые почтенные бюргеры даже были вынуждены хоронить мертвых. Каков был бы удар по американской

психике, если бы заставить истинно верующих и отрицающих эти события людей посмотреть на последствия прошедшего полувека американской внешней политики? Что, если бы все эти милые, аккуратные и подтянутые, здоровые американские парни, которые сбрасывали бесконечный тоннаж бомб на дюжину разных стран, на людей, о которых они ничего не знали, словно они персонажи видеоигры, увидели бы свои мишени и понюхали бы запах горящей плоти?

Стало общепринятым мнением, что упорная жесткая антикоммунистическая политика правительства Рейгана с ее изнуряющей гонкой вооружений привела к краху и изменению Советского Союза и его сателлитов. Американские книги по истории, возможно, уже начали высекать этот тезис в мраморе. Тори в Великобритании говорят, что Маргарет Тэтчер и ее жесткая политика также способствовали этому «чуду». Восточные немцы тоже верили в это. Когда Рональд Рейган посетил Восточный Берлин, люди приветствовали его и благодарили «за его роль в освобождении Востока». Даже многие левые аналитики, в частности те, кто был причастен к заговору, верили в это.

Но эта точка зрения не является общепризнанной; так и не должно быть. Ведущий в течение длительного времени российский ученый, эксперт по Соединенным Штатам Георгий Арбатов, директор московского Института США и Канады, написал свои мемуары в 1992 году. В рецензии его книги для «Лос-Анджелес таймс» Роберт Шир подвел частичный итог: «Арбатов очень хорошо понимал недостатки советского тоталитаризма в сравнении с экономикой и политикой Запада. Из этой откровенной

и детальной биографии становится ясно, что желание перемен исподволь развивалось внутри самых высших коридоров власти сразу же после смерти Сталина. Арбатов не только представляет существенные доказательства противоречивой точки зрения, что эти перемены произошли бы и без давления извне, он настаивает, что американское военное наращивание сил в течение срока правления Рейгана на самом деле препятствовало этому развитию».

Джордж Ф. Кеннан с этим согласен. Бывший американский посол в Советском Союзе и идейный отец теории «сдерживания» СССР утверждал, что «предположение, будто какая-либо администрация Соединенных Штатов имела возможность реально повлиять на курс колоссального внутреннего политического переворота в другой великой стране, на другом конце земного шара,— просто ребячество». Он настаивает, что чрезвычайная милитаризация американской политики укрепила позиции сторонников жесткого курса в Советском Союзе. «Таким образом, основной эффект экстремизма холодной войны заключался в том, что это скорее задерживало, чем ускоряло большие изменения, охватившие Советский Союз».

Хотя, безусловно, затратная гонка вооружений нарушила устои советской гражданской экономики и общества еще больше, чем в Соединенных Штатах, так как она продолжалась на протяжении 40 лет — до прихода к власти Михаила Горбачева, но без малейшего намека на неминуемый крах.

Понятно, что некоторые советские руководители не захотят признать, что они были вынуждены совершить революционные изменения из-за их злейшего врага, что они проиграли в холодной войне. Однако в этом вопросе мы не можем полагаться на мнение

какого-либо одного конкретного человека, русского или американца. Мы просто должны взглянуть на исторические факты.

С конца 1940-х и приблизительно до середины 1960-х американской стратегической целью было спровоцировать крушение Советского правительства и нескольких восточноевропейских режимов. Сотни российских эмигрантов сорганизовывались, обучались и снаряжались ЦРУ, затем тайком отправлялись обратно на родину создавать шпионские сети, организовывать вооруженную политическую борьбу, совершать убийства и акты саботажа: крушения поездов, взрывы мостов, порчу военных предприятий и электростанций и т.д. Советское правительство, задержавшее многих из этих людей, было, конечно, прекрасно осведомлено, кто за всем этим стоит.

Администрация Рейгана могла расценивать такую политику как одну из причин возможной капитуляции. Однако какими были плоды этой ультралистской антикоммунистической политики? Регулярные серьезные конфронтации между Соединенными Штатами и Советским Союзом в Берлине, на Кубе и в других странах, советские вмешательства в Венгрии и Чехословакии, образование Варшавского Договора (прямой ответ на создание НАТО), никакой гласности, никакой перестройки, только сеяние подозрительности, цинизма и враждебности с обеих сторон. Оказалось, что после всего этого русские остались людьми — они отвечали твердостью на твердость. И следствие: на протяжении многих лет прослеживалась прямая взаимосвязь между дружелюбным настроем в советско-американских отношениях и числом евреев, эмигрировавших из Советского Союза. Мягкость породила мягкость.

Если и есть персоны, которым следует приписать изменения, произошедшие в Советском Союзе и Восточной Европе — как

выгодные, так и сомнительные,— то это, конечно, Михаил Горбачев и люди, которых он вдохновил. Нужно помнить, что Рейган находился у власти более четырех лет, прежде чем Горбачев пришел к власти, а Тэтчер — в течение шести, но за это время ничего значительного на пути советских реформ не произошло, несмотря на неутихающую озлобленность Рейгана и Тэтчер к коммунистическому государству.

Часто выдвигается аргумент, что легко задним числом хулигать американскую манию холодной войны ради национальной безопасности страны — со всей ее прогрессирующей паранойей и нелепостью, ее натовской надгосударственной военной могущественной силой, ее системами дальнего радиолокационного обнаружения и тренировками воздушных налетов, ее ядерными бункерами и самолетами-разведчиками U-2. Но после войны в Европе Советский Союз действительно выступал для Запада десятифутовым монстром, представляющим угрозу всему миру.

Этот аргумент разбивается вдребезги от единственного вопроса, который достаточно было задать: зачем СССР вторгаться в Западную Европу или бомбить Соединенные Штаты? Он явно ничего не выиграл бы такими действиями, разве что получил бы гарантированное разрушение своей страны, которая только начинала восстанавливаться после войны.

К 1980 году вопрос, который не осмелились задать, породил военный бюджет в 300 млрд долларов и программу «звездных войн».

На самом деле в наличии имеются многочисленные внутренние документы Государственного департамента, Министерства обороны и ЦРУ послевоенного периода, в которых политологи

один за другим ясно дают понять свой серьезный скептицизм относительно «советской угрозы» — раскрывая существенные военные слабости русских и/или оспаривая их предполагаемые агрессивные намерения, в то время как высокопоставленные лица, включая президента, публично озвучивали явно противоположные мнения.

Историк Роджер Моррис, бывший член Совета национальной безопасности при президентах Джонсоне и Никсоне, описал это явление так: «Творцы американской политики должны были делать свое дело «честнее, чем сама правда», и «вдалбливать в массовое сознание мнение правительства», как выразился госсекретарь Дин Ачесон... Они это делали. Новое Центральное разведывательное управление начинает систематическое завышение советских военных расходов. Чудесным образом на американских правительственные диаграммах склеротическую советскую экономику заставляют жужжать и расти вверх. К конной армии Сталина — в комплекте с дрянным вооружением, разрушенными войной дорогами и лживой моралью — Пентагон добавляет фиктивные подразделения и затем вдобавок приписывает новым силам сценарии вторжения.

Американские деятели «преувеличили советские возможности и намерения до такой степени, — говорится в последующем исследовании архивов, — что удивительно, кто вообще воспринимал их всерьез». Подпитываемые мрачными правительственные заявлениями и отражающимся общественным страхом, американская пресса и люди не видели в этом ничего странного.

Тем не менее, продолжают настаивать оппоненты, было много чиновников, занимавших высокие посты, которые про-

сто и искренне не поняли советских сигналов. Советский Союз, говорили они, был очень деспотичным и закрытым обществом, особенно до смерти Сталина в 1953 году. Так, в 1983 году бывший консервативный член парламента Великобритании Энок Пауэлл заметил: «Международное недопонимание почти всегда полностью произвольно: международное недопонимание — это противоречие, ведь для того чтобы что-то сознательно неправильно понять, нужно по крайней мере понимать, что нуждается в понимании... Недопонимание Америкой Советского Союза имело функцию поддержания мифа о Соединенных Штатах как «последней, лучшей надежде человечества». Святой Георгий и Дракон — жалкое зрелище без реального дракона, желательно покрупнее и более чешуйчатого, в идеале извергающего из пасти пламя. Недопонимание Советской России стало незаменимо для самооценки американской нации: и она не была бы благосклонна к тем, кто попытался бы ее лишить».

Можно также приводить доводы в пользу того, что веру нацистов в большую опасность, исходящую от «международного еврейского заговора», следует рассматривать в первую очередь и только потом осуждать преступников холокоста.

И американцы, и немцы верили собственной пропаганде или делали вид, что верят. При чтении *Mein Kampf* поражает факт, что в значительной части то, что Гитлер писал о евреях, перекликается с тем, что американские антикоммунисты писали о коммунистах: они исходят из той предпосылки, что евреи (коммунисты) — это зло и хотят доминировать над миром; далее, любое поведение, которое, оказывается, противоречит этому, рассматривается как простая уловка, для того чтобы одурачивать лю-

дей и доводить свое дело до конца, такое поведение всегда является частью заговора, в который вовлечено множество людей. Гитлер приписывает евреям великую, практически мистическую силу манипулирования обществом и экономическими системами. Он обвиняет евреев в «бедах», связанных с промышленной революцией, например классовом расслоении и борьбе между ними. Он открыто осуждает евреев за интернационализм и отсутствие национального патриотизма.

Были, конечно, и такие «бойцы холодной войны», которые уверяли, что главный план мирового господства Кремля заключался в грубом вторжении в Западную Европу или сбрасывании бомб на Соединенные Штаты. Имелся и более тонкий, можно сказать, дьявольски умный план свержения: изнутри, страна за страной, через страны третьего мира, окружить и удушить «первый мир» — поистине международный коммунистический заговор, «заговор, — сказал сенатор Джозеф Маккарти, — в столь огромном масштабе, который затмит любое предыдущее подобное предприятие в истории человечества».

Теперь нам известно, что ЦРУ при Рональде Рейгане и Уильяме Кейси регулярно «политизировало оценки разведки», чтобы поддержать антисоветскую направленность администрации, и скрывало отчеты даже собственных аналитиков, которые противоречили этому курсу. Мы теперь знаем, что ЦРУ и Пентагон регулярно переоценивали экономическую и военную мощь Советского Союза, а также преувеличивали масштабы советских ядерных испытаний и количество совершенных «нарушений» по существующим договорам об их запрете, в которых Вашингтон тогда обвинял русских.

Делалось все, чтобы показать врага более крупным и более подлым, с тем чтобы увеличить бюджет военных расходов, обеспечить безопасность и обосновать необходимость работы «бойцов холодной войны». Ничего личного, только бизнес.

Время после холодной войны, время «нового мирового порядка» — счастливое время для военно-промышленного и разведывательного комплекса и его глобальных партнеров по преступлениям — Всемирного банка и МВФ. Они распоряжаются Североамериканским соглашением о свободной торговле (НАФТА) и Всемирной торговой организацией. Они диктуют экономическое, политическое и социальное развитие во всех странах третьего мира и Восточной Европы.

Но значит ли это, что жизнь масс стала лучше, чем была при холодной войне? Оказалась ли больше забота о простом народе, с тех пор как этот вопрос встал на повестку дня много веков назад? «Без-условно», — говорит капитал, предлагая другую, подготовленную теорию «просачивания благ сверху вниз», принцип которой заключается в том, что бедные должны существовать благодаря крошкам, упавшим со стола богачей, и чем больше блюдо будет подано богачам, тем больше перепадет бедным для их существования.

Сыны капитала также фыркают от смеха в свои бокалы мартини по поводу смерти социализма. Это слово вовсе исключили из светских бесед. И они надеются, что никто не заметит, что каждый социалистический эксперимент любой значимости в XX веке — без исключений — был сокрушен, свергнут, извергнут, ниспровергнут или дестабилизирован благодаря Соединенным Штатам. Ни одному социалистическому правительству или движению — от российской революции до сандинистов в Ника-

рагуа, от коммунистического Китая до Фронта национального освобождения имени Фарабундо Марти в Сальвадоре — не было позволено возвыситься или пасть благодаря исключительно собственным заслугам; ни одно из них не оставалось достаточно защищенным, чтобы иметь возможность изгнать войска всесильно-го внешнего врага и свободно, спокойно управлять своей страной.

Это как если бы первые эксперименты братьев Райт с летательными аппаратами провалились из-за того, что в интересах автомобильной промышленности саботировался бы каждый их испытательный полет. А затем добрые и богообязненные люди мира посмотрели бы на это, сделали выводы из случившегося, с умным видом коллективно склонили головы и торжественно произнесли: человек никогда не сможет летать. Но мы в России, упав в глубокое пике в 1990-е годы, снова научились «летать» и заставили США и мировой капитал слушать и уважать наше мнение.

ИСТОРИЯ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И США

Америка многим обязана России, она состоит должником России во многих отношениях, и в особенности за неизменную дружбу в годины ее великих испытаний... Только безумный может предположить, что Америка когда-либо нарушил верность этой дружбы предумышленно несправедливым словом или поступком.

Марк Твен

История взаимоотношений между Россией (СССР) и США насчитывает около 300 лет. Эти взаимоотношения никогда не были простыми, что не дает усомниться в изречении о том, что не бывает постоянных друзей, как не бывает и постоянных врагов, бывают лишь постоянные интересы. Дипломатические отношения России и США были установлены в 1807 году, а первый официальный контакт с одной из американских колоний (будущая Пенсильвания) произошел в 1698 году.

После Октябрьской революции 1917 года США признали СССР лишь в 1933 году. Во время Второй мировой войны СССР и США стали союзниками по антигитлеровской коалиции. Сразу же по окончании войны, однако, США и СССР, как

две сверхдержавы, вступили в ожесточенное стратегическое соперничество за влияние в мире (так называемая холодная война), определявшее развитие мировых процессов в течение полутора веков.

В настоящее время отношения между Россией и США, несмотря на санкционную войну, развиваются в таких областях, как борьба с терроризмом, нераспространение ядерного оружия, космические исследования.

История же российско-американских отношений уходит корнями в конец XVII века, когда независимого американского государства еще не существовало. В 1698 году Петр I встречался в Лондоне с Уильямом Пенном, основателем британской колонии, ставшей впоследствии штатом Пенсильвания. Это были первые двусторонние политические контакты.

В первой половине XVIII века начинается активная колонизация Северной Америки русскими торговцами. Множество российских поселений было основано на Алеутских островах, на континентальной Аляске, на территории современных канадских провинций Юкон и Британская Колумбия и американских штатов Вашингтон, Орегон и Калифорния. Постепенно разрозненные российские колонии-поселения были оформлены юридически; над территорией, занятой русскими поселенцами, был провозглашен суверенитет Российской империи. Столицей Российской Америки стал город Новоархангельск (ныне — Ситка).

В 1775 году в 13 британских колониях вспыхнуло восстание против экономического угнетения со стороны Англии. Георг III обратился к российской императрице Екатерине II с просьбой содействовать английским войскам в подавлении восстания, на что был получен отказ. В Филадельфии 4 июля 1776 года была про-

возглашена независимость колоний. Формально Россия не признала этот акт, однако поддерживала стремление колоний к самостоятельности. В 1780 году, в разгар Войны за независимость, Россия объявила о вооруженном нейтралитете, означавшем фактическую поддержку колоний.

XIX век

В 1809 году Россия и США обменялись послами, положив начало дипломатическим отношениям. Первым послом США в России стал Джон Куинси Адамс, впоследствии шестой президент США. Первым послом России в США стал Андрей Дашков.

В XIX веке отношения США и России носили в целом дружественный характер, несмотря на проблемы, возникшие в начале века в результате столкновения российских и американских интересов в районе Аляски и тихоокеанского побережья Северной Америки.

В Санкт-Петербурге 5 (17) апреля 1824 года была подписана Русско-американская конвенция о дружественных связях, торговле, мореплавании и рыбной ловле, упорядочившая отношения между двумя государствами в северо-западной части Северной Америки. Именно в ходе переговоров, предшествовавших ее подписанию, летом 1823 года до российского правительства было доведено намерение США выдвинуть в качестве одного из принципов своей внешней политики тезис «Америка для американцев», впоследствии оформленный в виде доктрины Монро. Конвенция зафиксировала южную границу владений

Российской империи в Аляске на 54°40' с. ш. Согласно конвенции, севернее этой границы обязались не селиться американцы, а южнее — русские. Рыбная ловля и плавание вдоль побережья Тихого океана объявлены на 10 лет открытыми для судов обеих держав.

В 1832 году США и Россией был подписан торговый договор, по которому стороны на взаимной основе предоставили режим наибольшего благоприятствования товарам и гражданам обеих стран.

В середине века правительство Николая I привлекало американских инженеров к своим проектам модернизации империи. Так, специалисты из США сыграли важнейшую роль в строительстве железной дороги между Москвой и Санкт-Петербургом и оснащении ее подвижным составом, в проведении первых линий телеграфа и перевооружении армии после Крымской войны.

Пиком сближения России и США стали 1860-е годы — время Гражданской войны в США и Польского восстания 1863–1864 годов. Тогда у России и северных американских штатов имелся общий недруг — Англия, которая поддерживала как южан, так и польских повстанцев.

В 1867 году все российские владения к востоку от Берингова пролива были проданы США за 7,2 миллиона долларов. Кроме самой Аляски к ним относился весь Алеутский архипелаг и некоторые острова в Тихом океане.

Однако и в XIX веке между Россией и США накапливались противоречия. В 1849–1850 годах лидер венгерской революции Лайош Кошут посетил США и нашел сочувственный отклик в американской провинции. В 1850 году Сенат США по иници-

тиве сенатора-демократа Льюиса Касса обсуждал «резолюцию Касса» о необходимости судить европейских монархов за подавление революций 1848 года (прежде всего, как указывалось в проекте резолюции, «русского императора»). Активным сторонником резолюции выступал сенатор-демократ Джон Паркер Хелл. Вот что пишет об этом американский историк Артур Шлезингер в работе «Циклы американской истории»: «Будущий историк, по словам Хейла, мог бы начать главу, посвященную 1850 году, так: «В начале того года американский сенат, наивысший законодательный орган мира, собравший мудрейших и великолдуших людей, какие когда-либо жили или будут жить, отодвинув в сторону пустяковые местные дела, касавшиеся их собственных краев, образовали из себя некий трибунал и приступили к суду над нациями Земли, допустившими жесточайшие акты деспотизма».

Предложение Касса, продолжал Хейл, заключается в том, чтобы «мы выступали в качестве разгневанных судей! Нам надлежит призвать к ответу нации Земли, и они предстанут перед нами в качестве подсудимых, а мы будем выносить им приговоры». Превосходный принцип. Но почему ограничиваться Австрией?

Хейл высказал надежду, что будущий историк опишет, как Соединенные Штаты приступили «к суду не над какой-то второстепенной державой, у которой торговля незначительна и санкции против которой обойдутся недорого, но в первую очередь над Российской империей, объявив ей приговор». В конце концов Кошута победила русская армия. «Я не соглашусь судить Австрию, пока мы не вынесем приговор некоторым более круп-

ным преступникам. Я не желаю, чтобы наши действия уподобились ловле частыми сетями, которые улавливают мелкую рыбу, но упускают крупную. Я хочу судить русского царя,— заявил Хейл,— не только за то, что он сделал с Венгрией, но и за то, что он сделал давным-давно, отправив несчастных ссыльных в сибирские снега... Когда мы сделаем это, мы покажем, что, поднимая свой гневный голос против более слабой державы, мы делаем это вовсе не из трусости».

«Резолюция Касса» принята не была. Но в 1880-е годы конгресс США принял серию решений, осуждавших политику Александра III в еврейском вопросе.

Царствование Александра III (1881–1894)

Как отмечает российский исследователь А. А. Родионов, царствование российского императора Александра III (1881–1894) характеризовалось изменениями в отношениях России и США, которые определили всю дальнейшую перспективу их развития. Если период до 1881 года описывается историками как время гармоничных отношений, то начиная примерно с 1885 года между этими государствами происходит столкновение стратегических интересов и усиление соперничества во всех сферах государственных отношений. Вступление России и США в более высокую стадию экономического развития приводит к их внешнеполитической переориентации, сближению США с Великобританией и Японией и американо-российскому конфликту интересов на Дальнем Востоке и в Маньчжурии.

В Российской империи после убийства Александра II происходит ужесточение политического режима, что усиливает аме-

рикано-российские противоречия в области идеологии и форм правления, появившиеся задолго до этого. Поэтому именно в это время в американском обществе зарождается устойчивый интерес к событиям, происходящим в России, в частности к деятельности организации «Народная воля» и российских «нигилистов». В американской прессе активно обсуждались вопросы русского «нигилизма», сторонники и противники этого движения выступали с публичными лекциями и устраивали дебаты. Вначале общественность США осудила террористические методы, применяемые российскими революционерами. Во многом, по мнению исследователей, это было связано с проявлениями феномена политического терроризма в самих США — достаточно упомянуть покушения на жизнь президентов А. Линкольна и Д. А. Гарфилда. В это время американское общество было склонно проводить исторические параллели между убийствами А. Линкольна и Александра II как двух великих реформаторов.

Царское правительство подвергается критике в США за подавление русского освободительного движения, прекращение реформ, отсутствие свободы прессы и органов народного представительства, угнетение евреев и т. п. В то же время на общественном мнении США благоприятно оказывается сохраняющееся наследие дружественных отношений между русским и американским народами, а также отсутствие острых конфликтов между Россией и США на международной арене.

Тем не менее в американском обществе начинает складываться образ России как недемократического государства, где отсутствуют гражданские свободы и применяется насилие

в отношении инакомыслящих, при этом причины зарождения радикального революционного движения связываются с политикой царского правительства. В сознании американцев к чувству дружбы примешивается осуждение реакционного курса самодержавия.

Во второй половине 1880 — начале 1890-х годов заключение русско-американского договора о взаимной выдаче преступников (1887) приводит к коренным переменам в общественном мнении США — к переходу от традиционных взглядов на Российскую империю как на дружественную державу к так называемому крестовому походу за «свободную Россию». Сама возможность выдачи политических беженцев противоречила базовым демократическим принципам американского общества и его либеральной традиции. Борьба против ратификации договора в США вызвала к жизни общественное движение, выступавшее за реформирование России на основе принципов свободы и демократии и оказывавшее поддержку российским политическим эмигрантам.

Именно в этот период в американском общественном сознании складываются устойчивые негативные стереотипы в отношении России. Россия для многих американцев становится страной, которая находится на средневековой ступени развития, где «деспотичное» царское правительство угнетает население, жаждущее освобождения.

В конце 1880 — начале 1890-х годов в американском обществе появляется немногочисленная, но весьма активная оппозиция царскому режиму, которую представляет небольшая группа русских политэмигрантов, американских журналистов, обще-

ственных и политических деятелей, устраивавшая кампании в поддержку дела «русской свободы», оказывавшие значительное влияние на формирование образа России.

Под воздействием этой агитации многие американцы начинают понимать отношения США и России с позиции конфликта цивилизации и варварства, в общественном мнении США происходит сдвиг, который впоследствии приведет американское общество к русофобским настроениям и к убежденности в «мессианской роли» США — в том, что США призваны осуществлять освободительную миссию и вмешиваться в дела других стран и народов. От умеренной критики политического режима России общественное мнение США переходит к его активному осуждению. Подобной перемене также способствуют другие объективные причины — вступление США в новую стадию развития в качестве одного из экономических лидеров мира и связанное с этим столкновение экономических интересов США и России, массовая иммиграция российских евреев в США, технический прогресс и развитие средств массовой информации в совокупности с идеологическим развитием американской нации — появлением и претворением в жизнь идей превосходства и учений о цивилизаторском долге англосаксонской расы.

Россия становится одним из объектов глобальной миссии США как страны, которая должна быть преобразована по североамериканскому образцу. Среди наиболее существенных проблем, которые обсуждались в указанный период американским обществом, следует назвать:

1) русско-американский договор о взаимной выдаче преступников 1887 года;

- 2) национально-конфессиональную политику царизма по отношению к евреям (так называемый «еврейский вопрос» и связанный с этим «паспортный конфликт»);
- 3) карательную политику царизма в отношении политической оппозиции.

Общественное мнение США о России на рубеже XIX–XX веков

Образ России слагался из трех основных элементов — представлений: о коренной противоположности путей исторического развития России и Америки, исключающей возможность их мирного сосуществования; о России как прежде всего экспансионистской державе, действия которой на мировой арене особенно угрожают интересам Соединенных Штатов; об особом — бескомпромиссном и всеохватывающем — характере и неизбежности борьбы между Америкой и Россией.

Русско-японская война и последовавшая за ней революция 1905–1907 годов, а также интенсивное экономическое развитие России на рубеже веков способствовали усилению внимания американской общественности к России.

Определяющими факторами, влияющими на американо-российские отношения на рубеже XIX — XX веков, стали враждебная позиция администрации президента США Теодора Рузвельта и американских СМИ по отношению к России, особенно во время Русско-японской войны, столкновение экономических интересов на Дальнем Востоке и в Маньчжурии, а также трения

по «еврейскому вопросу», связанные с ограничениями прав евреев в России и активной эмиграцией российских евреев в США.

Увеличение революционной и особенно еврейской иммиграции из России стало вызывать опасения у американских политиков, однако, несмотря на принятие нескольких ограничительных иммиграционных законов, снижения численности или изменения структуры потока российских иммигрантов в США не последовало. В то же время нелегальный статус российских переселенцев в США и нежелание царской администрации решать проблему нелегальной эмиграции из страны стало одним из факторов, способствовавших ухудшению российско-американских отношений в начале XX века. Определенную роль сыграли и действия ряда влиятельных еврейских финансистов, пытавшихся оказывать давление на российские власти с целью заставить их снять ограничения на евреев в России.

Соперничество на Дальнем Востоке

В 1880-е годы США окончательно закрепились на Тихом океане. В 1886 году по инициативе президента Гровера Кливленда конгресс провел слушания на тему о будущей политике США на Тихом океане. Участники слушаний пришли к выводу, что из всех тихоокеанских стран только Российская империя потенциально может угрожать интересам США.

В этой связи США не поддержали русско-германо-французский ультиматум Японии (1895). В 1899 году США провозгласили политику «открытых дверей», предусматривавшую сохранение территориальной целостности Китая, прежде всего

за счет сдерживания российского продвижения в Маньчжурию и Корею.

В 1900–1902 годы американский военно-морской теоретик контр-адмирал А. Т. Мэхэн разработал теорию «сдерживания» России как мощной «континентальной» державы путем создания блока «морских» государств во главе с США. Разделявший концепцию А. Т. Мэхэна президент США Теодор Рузвельт полагал, что США должны проводить политику активной экспансии на Дальнем Востоке. Соперничество между Вашингтоном и Петербургом из-за экономического преобладания в данном регионе (прежде всего в Маньчжурии) и стало одной из причин ухудшения русско-американских отношений.

Идеологи внешнеполитического курса США считали, что распространение влияния России на Дальнем Востоке угрожает экономическим и политическим интересам США. Выступая за нейтрализацию российского влияния в этом регионе, они заявляли, что «Россия не является цивилизованной страной и поэтому не может играть цивилизаторскую роль на Востоке...» В складывающихся условиях недемократический режим, архаичность социальной структуры и экономическая неразвитость служили дополнительным аргументом против России.

С 1901 года администрация Теодора Рузвельта оказывала финансовую и военно-техническую помощь Японии — основному противнику России на Дальнем Востоке.

Русско-японский военный конфликт 1904–1905 годов ознаменовал новый рубеж в развитии американского общественного мнения о России, поставив его перед необходимостью определить свое отношение к каждой из воевавших держав.

Теодор Рузвельт фактически поддержал Японию, а синдикат американских банков, организованный Дж. Шиффом, предложил Японии значительную финансовую помощь. Одновременно были предприняты усилия с целью закрыть России доступ к западным кредитам. Россия и США вступили, таким образом, в новую фазу отношений — открытое соперничество. Общественное мнение в США также было настроено крайне враждебно по отношению к русскому правительству.

Первая мировая война. Октябрьская революция и Гражданская война в России

В Первую мировую войну Россия и США вступили союзниками. Переломным для отношений двух стран стал 1917 год. После того как в России произошла революция, США отказались признавать Советское правительство. В 1918–1920 годы американские войска приняли участие в иностранной интервенции.

В то время пока государства — участники Первой мировой войны застилали телами погибших поля сражений, происходило оформление англосаксонского проекта как главного проводника и инструмента интересов финансовых элит, объединяющих не только англосаксонские страны, но и тех, кто разделял их чаяния и устремления. После окончания Первой мировой войны США, в которых в это время сформировался идеологический и финансовый центр грядущего глобального проекта, становятся этим инструментом и проводником. Фундаментом, закладывающим основы нового мироустройства, стало создание Федеральной резервной системы и рождение так называемого «Плана Марбурга».

Финансовый кризис 1907 года настойчиво указывал на необходимость создания постоянного механизма для борьбы с монетарными проблемами. Для изучения вопроса в 1908 году была создана Национальная денежная комиссия во главе с Нельсоном Олдричем — сенатором от Род-Айленда. Плодом взаимодействия членов комиссии стал «План Олдрича», предполагавший создание Национальной резервной ассоциации, выстроенной вокруг Центрального банка, уполномоченного регулировать финансовые условия и выдавать займы банкам, терпящим бедствие. Автором многих технических положений плана, сделавшим не мало для того чтобы доллар впоследствии занял важное и ведущее положение в мире, стал финансист Пауль Варбург.

Конгрессмен Чарлз Линдберг-старший выступил главным критиком «Плана Олдрича», прозорливо увидев в его положениях черты мегабанка-монополиста с неограниченной финансовой властью. «Данный проект (а вскоре и принятый конгрессом закон) — создает самый гигантский трест на Земле, — писал Линдберг, — когда президент подпишет этот законопроект, будет легализовано невидимое правительство денежной власти. Возможно, люди этого не почувствуют, но через несколько лет наступит прозрение». Вудро Вильсон подписал законопроект, ФРС была создана. А прозрение наступило довольно скоро — в 1929 году во время начавшегося мощнейшего экономического кризиса.

«План Марбурга» был подготовлен в начале XX века и щедро финансировался Эндрю Карнеги. Это цельная и методически выверенная программа приобретения, а не захвата власти. В соответствии с планом, правительства всех государств

должны быть социализированы, в то время как конечная власть должна оставаться в руках международной финансовой элиты для контроля за деятельностью квазиправительств, принудительного установления мира и создания, таким образом, специфического средства от всех политических болезней человечества.

В 1903 году был дан старт «Плану Олдрича». В Нью-Йорке был основан клуб социалистов «Х». Его члены — не только социалисты Л. Стеффенс, У. Инглиш, но и банкиры М. Хиллквит, Ч. Э. Рассел, Р. Уикс. В 1908 году на заседании экономического клуба основным докладчиком стал банкир-социалист М. Хиллквит, который имел обширные возможности проповедовать социализм перед собранием, которое представляло богатство и финансовые интересы элит.

Из этой гремучей смеси, симбиоза коммунистов и банкиров, и выросло в итоге движение «Интернационала», в которое входили Э. Карнеги, П. Варбург, Г. Гувер и др. В 1910 году Э. Карнеги «пожертвовал» 10 млн долларов на создание «Фонда Карнеги» для международных мирных инициатив, а К. Додж обеспечил финансовую поддержку президенту В. Вильсону.

Вудро Вильсон подпал под мощное влияние этих интернационалистов-глобализаторов. Им он был обязан деньгами. Существуют довольно любопытные свидетельства, которые проливают свет на скрытые пружины деятельности американского политического истеблишмента, обеспечившие избрание Вильсона на пост президента США, а также сделавшие личность некоего полковника Э. Хауза фактическим разработчиком американской внутренней и внешнеполитической доктрины. Американские либеральные политики кальвинистского происхождения

стали объектом мощного прессинга и манипулирования со стороны лидеров сионистского движения, деятелей Всемирного еврейского конгресса, еврейского лобби внутри страны, вдохновителей и создателей «Плана Марбурга».

Как справедливо отмечает Дж. Уайс: «Историки никогда не должны забывать, что именно Вудро Вильсон обеспечил Льву Троцкому возможность въехать в Россию с американским паспортом». Как известно, Л. Д. Троцкий также считал себя настоящим интернационалистом.

Объединение англосаксонских усилий по переформатированию международных отношений Вестфальского мира по окончании Первой мировой войны было достигнуто в тесном союзе политических деятелей Великобритании: Бальфура, Ллойд-Джорджа, США в лице Э. Хауза и Х. Вейцмана — председателя Всемирного еврейского конгресса. Британский политик того времени Локер-Лампсон писал в одном из английских изданий: «Ллойд-Джордж, Бальфур и я — все мы были воспитаны как ярые протестанты, верившие, что приход нового Спасителя совершится после возвращения Палестины евреям». По замечанию Н. А. Нарочницкой, «это не что иное, как мессианская идея Кромвеля и его хилиастов, а также идея большинства протестантских сект и кальвинистских церквей в Америке».

Невиданное единение в рамках англосаксонского проекта произошло у сил, направляющих его механизм в участии и в реакции на события революции 1917 года в России. Эдвард Хауз и американская элита явно принадлежали к тем силам на Западе, в пользу которых эта революция и совершалась. Разрушители-революционеры были генетически и духовно близки протестан-

там-преобразователям, последователям О. Кромвеля, казнившим английского короля Карла I. И не стоит недоумевать, почему британский двор — родственники российской царской семьи Романовых — отказали Николаю II в убежище и приюте в Великобритании. Пуританской Англии и кальвинистской Америке была ненавистна православная царская власть, берущая истоки в еще более ненавидимой ими Византии.

Элита США старалась не упустить ни единого шанса в стремлении к мировой гегемонии, в попытке приватизировать роль мирового арбитра. К середине 1915 года Вудро Вильсону была внушенна идея о создании международной организации, прообраза политического института Лиги Наций, контролирующей ключевые направления мирового развития.

В октябре 1915 года Э. Хауз представил воюющим сторонам проект будущей программы, получившей известность как «14 пунктов Вильсона». Политический расчет был понятен. Если центральноевропейские державы на фоне истощения людских и материальных активов принимают доктрину Вильсона — Хауза, США получают роль третейского судьи, мирового арбитра. В случае их отказа США вступают в противостояние на стороне Антанты, что и произошло.

В апреле 1917 года В. Вильсон писал своему советнику Хаузу: «Когда война завершится, мы сможем заставить их мыслить по-нашему, ибо к этому моменту они, не говоря уже обо всем другом, будут в финансовом отношении у нас в руках». Это время ознаменовало конец американской доктрины изоляционизма. США выходят на великую шахматную доску геополитики с программой либерально-универсалистского проекта, взрывающей

все традиции мировой политики. Программа переустройства мира, нового мышления, перестройки Вильсона (не правда ли, до боли знакомая терминология горбачевско-сахаровской эпохи), раскрытая в «Архиве полковника Эдварда Хауза», отводила России весьма незавидную роль в новом мировом порядке. «Россия слишком велика и однородна, ее надо свести к Среднерусской возвышенности. Перед нами будет чистый лист бумаги, на котором мы начертаем судьбу русских народов».

Задолго до Бжезинского Э. Хауз определил основные направления американской политики в отношении России в 1918 году.

1. Признание временных правительств, которые создавались или предполагалось создать в различных районах России.

2. Предоставление военной и финансовой помощи этим правительствам.

3. Основная опора на Украинскую раду, Эстонию, Латвию, Литву, поддержка отдельно и большевиков, и Белой армии.

4. Передача Кавказа Турецкой республике.

5. Среднюю Азию сделать подмандатной территорией, возможно протекторатом Англии.

6. Сибирь отделить и сформировать там свое правительство.

Проект Хауза недвусмысленно и цинично сводился к устраниению России из «Большой игры», выступал как международное закрепление грядущего расчленения страны. План был круто сдобрен специями и приправами абстрактных ценностей.

По итогам Версальско-Вашингтонской системы США и англосаксы в целом, опираясь на интернациональный финансово-экономический капитал, обеспечили себе лидерство в европейской экономике. «План Марбурга» вступил в практическую плоскость. Одна

из поставленных целей была реализована. Программа Хауза начала XX века не получила своей полной реализации. На путях глобализаторов встала Россия в проекте — СССР. После распада Советского Союза проект Хауза вошел в открытую фазу и начал явно реализовываться неоконсерваторами в виде доктрины унилатерализма, представляющей собой, по сути дела, неовильсонианство конца XX — начала XXI века.

Попробуем разобраться, что заставило американского президента, подталкиваемого и финансируемого из Фонда Эндрю Карнеги, так трепетно и заботливо отнестись к одной из самых ярких и противоречивых фигур грядущей российской революции. Прежде всего, следует отметить, что в этот период Л. Д. Троцкий не был ни прорусским, ни прогерманским, ни просоюзническим политическим деятелем. Троцкий активно выступал с позиций Клуба Марбург за мировую революцию, то есть как интернационалист. Он обладал обширными и прагматичными связями в высших эшелонах интернационального движения в США и Канаде.

Именно в это время у социалистов, большевиков и мирового транснационального капитала была существенная общая идея — интернационализм. В сущности, следует понимать, что революция и международные финансы не столь сильно противоречат друг другу, если в результате революционной смуты должна установиться централизованная глобальная власть, то есть новый мировой порядок. Международные финансовые тресты всегда предпочитают иметь дело с централизованными правительствами. Банковское сообщество меньше всего жаждет свободного рынка и децентрализованной власти, поскольку это распыляет власть.

Группа банкиров, олицетворяющих мировую финансовую элиту, была абсолютно космополитичной, интернационалистской по своей сущности, нацеленной на экспорт идеи либерального мироустройства, посредством ли мировой революции или продвижения демократии на штыках, не суть важно. По большому счету, эти элиты не имели национального характера. Они не были ни американскими, ни социалистическими, ни даже капиталистическими. Скорее всего, их можно назвать поборниками жесткого глобального госуправления из единого центра. Прежде всего, эти люди желали рынков, точнее, монополии на мировом рынке как конечной цели. Они не желали ни немецкой, ни русской конкуренции. Все ресурсы планеты должны были принадлежать и распределяться исключительно среди избранных.

Эта группа, очерченная кругом кальвинистского избранничества, была предельно аполитичной, аморальной и циничной. Ничего личного, только бизнес. В 1917 году она ставила предельно конкретную и прагматичную цель — захватить русский рынок. Все остальные идеологемы и теоретические интеллектуальные нагромождения служили лишь ширмой и прикрытием для достижения этой цели.

Ставка в переустройстве России делалась этим людьми на Л. Д. Троцкого (взгляды которого во многом сегодня определяют идеологию американских консерваторов). По свидетельству Р. Уорта, «среди самых заметных эмигрантов, которые возвратились в Россию из США, был и Лев Троцкий, он же был самым опасным... На руках у Троцкого находилась крупная по тем временам сумма в размере 10 тысяч долларов. Как позднее выяснило специальное расследование, деньги были им получены от аме-

риканской редакции газеты «Фольксцайтунг», через некоего Г. Вайнштейна, который являлся членом Советского бюро в Нью-Йорке».

Ориентация Л.Д. Троцкого на защиту интересов англосаксонской олигархии подтверждается и его близкими соратниками, в частности Х.Г. Раковским. «Я во всем этом принимал участие,— отмечает он.— Октябрьскую революцию финансировали те же люди, что и революцию 1905 года, а именно Якоб Шифф и братья Варбург: это значит — великое банковское созвездие, один из пяти банков — членов Федерального резерва... Пока не прибыл Троцкий, проездом из США в Россию, я был единственным человеком, выступающим финансовым посредником... Возвышению Троцкого в значительной степени способствовала его удачная женитьба. Он женился на Седовой, дочери Животовского, объединенного едиными финансовыми узами с банкирами Варбургами. Здесь причина, почему Троцкий одним махом становится во главе революционного списка».

Троцкий активно призывал товарищей по партии сначала ограничиться лишь нелегальной деятельностью, названной Лениным отзовизмом, затем метнулся ровно в противоположную сторону — выступал за сосредоточение только на открытой, публичной политике, названной ликвидаторством.

По оценке В.И. Ленина, отзывизм и ликвидаторство выступали как две стороны одной медали, служа одной цели — противодействию большевикам, стремлению ограничить революционный процесс достижениями Февраля, за что и заслужил прозвище Иудушка.

В целом налицо зависимость Л. Д. Троцкого не от идей и взглядов, а от источника финансирования, вполне характерная и для «пятой колонны» путинской России. Многие работы Троцкого проникнуты духом гибкости и беспринципности подходов, готовностью торговать взглядами, что на деле означало отсутствие настоящих убеждений и принципов. Одним из элементов троцкизма выступал «центризм» как способ консолидации левых и правых группировок, противостоящих ЦК. Этот инструмент Троцкий активно использовал не только против В. И. Ленина, но и против И. В. Сталина. Модель диалектического единства «правого» и «левого» уклонов — универсальная троцкистская схема.

Весьма показательно глобализированный интернационализм Троцкого иллюстрирует цикл написанных им в течение 1925 года статей под общим названием «К социализму или капитализму», где Л. Д. Троцкий обозначает постановку проблемы: «Сколько времени будет существовать капиталистический строй, как он будет изменяться и в какую сторону развиваться?» Он предполагает и прогнозирует три варианта развития событий:

- 1) гибель капитализма в ближайшее время;
- 2) окружающий нас капиталистический мир будет держаться в течение нескольких десятилетий. Его финалом станет мировая пролетарская революция;
- 3) капитализм сможет найти в себе силы для дальнейшего развития производительных сил.

«И тогда весь вопрос встанет перед нами совершенно иначе. Это означало бы, что мы, социалистическое государство, хотя и собираемся пересесть с товарного поезда на пассажирский, но догонять нам придется курьерский. Это означало бы, что ка-

питализм не исчерпал своей исторической миссии и что развертывающаяся интернационалистическая фаза вовсе не является фазой упадка капитализма, а лишь предпосылкой его нового расцвета».

С тех пор и до конца жизни Троцкий неоднократно возвращался к своей гипотезе. Процессы, происходящие в США и в западном мире, всегда вызывали у него повышенное внимание. Троцкий первым в России прогнозировал восхождение США в XX веке и их ведущую роль в мировых процессах. Как отмечал он, «для понимания грядущих судеб человечества нет темы значительнее, чем эта». И далее «я уезжал в Европу с чувством человека, который только одним глазом заглянул внутрь кузницы, где будет выковываться судьба человечества».

Восхищение Троцкого Америкой приводит его к выводу о том, что «капитал увеличивает свои оборотные средства и, главное, заинтересовывает рабочих в процветании промышленности». Это на деле «означает уже полное признание торжества интересов труда и капитала».

Восторг, испытываемый Троцким от Америки, то есть от чужого проекта, переходит в ощущение этого проекта как всеобщего, без осмыслиения того обстоятельства, что с принятием этой чужой проектности Россию ждет перспектива «зависимого капитализма». Отсюда до либерализма один шаг, проделанный Л.Д. Троцким в конце 1930 года в работе «Преданная революция». Об этих взглядах Троцкого были прекрасно информированы апологеты «Плана Марбурга» и именно по этой причине делали на него ставку, подпитывая идеально и финансово.

Тесное взаимодействие Запада и Троцкого, как его контрагента, подтверждается солидной источниковой базой, включа-

ющей и «Архив полковника Хауса», и мемуарную литературу, в частности воспоминания У. Черчилля.

На политическом счету Троцкого и поддержка высадки англичан в Мурманске и Архангельске, разжигание гражданской войны на Украине, где им был приложен максимум усилий для срыва переговорного процесса большевиков и махновцев. Также Л. Д. Троцкий имел прямое отношение к втягиванию чехословаков в Гражданскую войну, к созданию Омского правительства А. В. Колчака.

Отдельного внимания достойна активнейшая деятельность Троцкого по торпедированию Брест-Литовского мирного договора. В 1917 году в ранге главы российского внешнеполитического ведомства в беседе с британским генералом Д. Джадсоном Троцкий давал тому клятвенные заверения «всеми силами затягивать переговоры и иметь в виду интересы союзников». В 1918 году Троцкий обещал английскому посланнику Б. Локкарту пропустить через Россию японские войска для борьбы с Германией. Все эти действия прикрывались и оправдывались теорией «перманентной революции».

В этой связи весьма любопытно утверждение ряда зарубежных исследователей о том, что составлявшая основу троцкизма теория «перманентной революции» являлась не плодом размышлений самого Л. Д. Троцкого, а выступала в качестве теоретико-практической реализации плана, разработанного спецслужбами Великобритании, с успехом применявшими его в несколько модифицированном виде на Ближнем и Среднем Востоке для противодействия кон-

солидации ислама и противопоставления его христианству. Алгоритм действий был передан Троцкому в качестве инструкций, полученных им от небезызвестного деятеля российского и немецкого социал-демократического движения А. Л. Гельфанд-Парвуса.

Помимо фактов, свидетельствующих о тесных контактах и взаимосвязи Троцкого с британской и американской разведками, наличествуют документальные свидетельства контактов Троцкого с верхушкой нацистов Третьего рейха в декабре 1935 года. На встрече с Г. Гессом Троцкий пообещал «согласиться на территориальные уступки, развернуть во время войны активную диверсионную работу на военных предприятиях и на фронте, которая должна проводиться по указаниям Троцкого, согласованным с германским Генштабом».

В контексте вышеприведенных фактов становится совершенно очевидно, что борьба, которую твердо и решительно повел против троцкизма Stalin, означала курс на решительный отказ от внешнего управления, на защиту национальных интересов и суверенитета.

Неизбежность грядущей войны И. В. Stalin хорошо осознавал. Это диктовало рекордно сжатые сроки индустриализации страны. Он пророчески предупреждал 4 февраля 1931 года: «Мы должны пробежать это расстояние в десять лет; либо мы сделаем это, либо нас сомнут». В результате его усилий была ликвидирована угроза финансового закабаления СССР. Советский Союз, выплатив старые займы, от новых решительно отказался, сосредоточив все усилия на промышленной индустриализации с опорой на западные

технологии. В этот период Сталин отказался от идеи мировой революции, о чем сообщил американскому журналисту Р. Говарду в интервью 1 марта 1936 года.

Ответом западных агентов влияния, «пятой колонны» явился масштабный заговор оставшихся под влиянием Троцкого групп в политической и военной элитах. Реакцией стал 1937 год как пик репрессий в СССР. Но вопрос стоял ведь именно так: либо они нас, либо мы их. Стоит ли все списывать на паранойю вождя народов? Запад прилагал титанические усилия по сведению на нет советского проекта, действуя жестко и цинично. Ответные меры должны быть адекватными и продуктивными.

Либерализм, как видим, активно использовал троцкизм как внешний инструмент воздействия на внутриполитическую ситуацию в России. Именно троцкистские взгляды лежали как в основе хрущевской «оттепели», так и горбачевской «перестройки». Не изменилось ничего и в наши дни.

Цель глобализаторов-интернационалистов жива и активно продолжает реализовываться. Ее предельно откровенно излагает Джон Д. Рокфеллер в своей работе «Вторая американская революция», на обложке которой, кстати, изображена пентаграмма (пятиконечная звезда), цементирующая все те же вековечные интересы революционеров, оппозиционеров и мирового капитала. Основная идея книги — забота об «общественном благе» через призму защиты индивидуальных прав. Однако манипуляции термином «общественное благо» производятся Рокфеллером исключительно в протестантском ключе, как средство и предлог для самовозвеличивания круга избранных.

Таким образом, обман общества, а не общественное благо составляют сущность неолиберализма, в рамках которого политика является составной частью бизнеса ТНК. Правила неолибералов просты: «Во-первых, дай обществу работать на тебя, и во-вторых, делай бизнес из политики». Это, как пишет Ф. Хоув в работе «Признания монополиста», и есть основные правила либерального капитализма.

В общих чертах эта всеобъемлющая и всеохватная цель была хорошо понятна Сталину, к счастью, очевидной она является и для нынешнего Президента РФ В. В. Путина, который подчеркивает, что любая политика санкций, сдерживания и провокаций отзывается эффектом бумеранга.

Могли ли вдохновители «Плана Марбурга» предположить, что, разжигая пожар мировой революции, содействуя ликвидации православной и монархической России, поддерживая большевиков, они в результате получат совсем не желанный ими политический продукт? Вряд ли Вашингтон и Уолл-стрит могли предвидеть результаты Второй мировой войны, усиление социалистического (совсем не троцкистского) лагеря, Корейскую и Вьетнамскую войны, развитие ближневосточного конфликта, вставание России с колен при В. В. Путине. То, что кукловодам Бильдербергского клуба и Тройственной комиссии казалось дальновидной и финансово доходной политикой, в наши дни стало кошмаром для избранных и исключительных представителей неолиберализма.

СССР — США

Напомним, что **США стали одним из последних государств, признавших СССР**. Первым послом СССР в США в 1933 году стал Александр Трояновский. С 1919 года в США была развернута борьба против коммунистического и социалистического движения — запрещалась деятельность организаций левого толка, из страны выдворялись опасные, по мнению властей, лица. Дипломатические отношения между Советским Союзом и Соединенными Штатами были установлены 16 ноября 1933 года. Из других событий этого периода, важных для двусторонних отношений, можно отметить участие американцев в спасении «Челюскина» в 1934 году (два американских авиамеханика были удостоены за это ордена Ленина), а также перелет Валерия Чкалова через Северный полюс из Москвы в Ванкувер в 1937 году.

В ходе Второй мировой войны отношения США и СССР оставались умеренно хорошими. Германское нападение 22 июня 1941 года на Советский Союз вызвало среди американского народа волну уважения и сочувствия к Советскому Союзу, практически в одиничку противостоявшему фашистской агрессии. Решением Рузвельта с ноября 1941 года на СССР был распространен закон о ленд-лизе, в рамках которого в СССР стали поставляться американская военная техника, имущество и продовольствие. **При этом важно помнить, что это не была безвозмездная помощь союзников. За все американские поставки СССР платил золотом.**

Но союзный договор между СССР и США (как между СССР и Великобританией) подписан не был. СССР и США были союзниками на основе международного документа — Декларации Объединенных Наций от 1 января 1942 года. Позже, 23 июня 1942 года было подписано советско-американское соглашение о поставках военных технологий.

США, ссылаясь на текст Атлантической хартии 1941 года, отказывались признать Прибалтику частью СССР. Конгресс США также регулярно ставил вопрос о религиозных свободах в СССР.

Договоренности между членами антигитлеровской коалиции, достигнутые в ходе и после окончания войны, определили создание биполярного мира, в котором объединенный Запад при leadershipe США противостоял блоку социалистических стран, сплотившемуся вокруг Советского Союза.

По окончании Второй мировой войны СССР превратился в мощную сверхдержаву, чье влияние распространялось от Западной Европы до Тихого океана. Установление в государствах Восточной Европы просоветских коммунистических режимов привело к резкому ухудшению отношений между СССР и США. Американское руководство пыталось предотвратить распространение советского влияния и левых идей (чему способствовала победа СССР в войне) дальше на Запад, в Латинской Америке, Азии и Африке. В самих США началась антисоветская истерия — так называемая «охота на ведьм».

Очень скоро борьба двух идеологий вышла за пределы дипломатических отношений и переросла в глобальное противостояние систем с то и дело вспыхивающими вооруженными

конфликтами по всему миру — Корейская война, Вьетнамская война, многочисленные арабо-израильские войны в Латинской Америке, на Ближнем Востоке и в Африке.

Важным фактором в отношениях Советского Союза и США стала гонка вооружений. С августа 1945 года Соединенные Штаты считали себя монополистом на обладание атомным оружием и пытались использовать этот козырь против СССР. Но в 1949 году Советский Союз тоже обзавелся атомным, а в 1953-м термоядерным оружием, а затем и средствами доставки этого оружия к целям на территории своего потенциального противника (баллистическими ракетами). Обе страны вкладывали колоссальные средства в военную промышленность; совокупный ядерный арсенал за несколько десятилетий вырос настолько, что его хватило бы для уничтожения всего населения планеты не один десяток раз.

Уже в начале 1960-х годов Соединенные Штаты и Советский Союз оказались на грани ядерной войны, когда СССР в ответ на размещение в Турции американских ракет средней дальности разместил свои ядерные ракеты на Кубе, что привело к Карибскому кризису 1962 года. К счастью, благодаря политической воле лидеров обеих стран — Джона Кеннеди и Никиты Хрущева — военного конфликта удалось избежать. Но кроме опасности ядерной войны гонка вооружений несла угрозу экономикам США и СССР. Постоянное, по сути бессмысленное увеличение вооруженных сил угрожало экономическим коллапсом обеим сторонам. В этой обстановке и был подписан ряд двусторонних договоров, ограничивающих накопление ядерного оружия.

В 1970-х годах проведены переговоры об ограничении стратегических вооружений, в результате которых подписаны договоры ОСВ-І (1972), включавший Договор по ПРО, и ОСВ-ІІ (1979) по ограничению пусковых установок.

Соглашение между СССР и США о линии разграничения морских пространств (Соглашение о линии Шеварднадзе — Бейкера), по условиям которого к США отошли часть исключительной экономической зоны СССР и участок континентального шельфа площадью 46,3 тысячи квадратных километров в открытой центральной части Берингова моря, а также территориальные воды на небольшом участке в Беринговом проливе между островами Ратманова (Россия) и Круzenштерна, было подписано 1 июня 1990 года. Заметим, что это — акт открытого предательства национальных интересов СССР М. С. Горбачевым. Территории просто подарены США без каких-либо оговоренных условий.

Острейший политический, идеологический и межнациональный кризис, охвативший Советский Союз к концу 1980-х годов, привел к распаду государства. Многие консервативные американские политики склонны в этой связи приписывать Соединенным Штатам победу в холодной войне. Так или иначе, распад СССР (и предшествовавший ему распад социалистической системы) принято считать окончанием холодной войны и началом новых отношений между Востоком и Западом.

Распад СССР и возобновление противостояния в XXI веке

Буш-младший и его помощники по президентской кампании (2000 года) обещали нации, что откажутся от назойливого и не-продуктивного, по их оценкам, вмешательства США в дела России в эру Билла Клинтона, который придавал первостепенное значение интеграции России в глобальную систему демократических государств со свободной рыночной экономикой.

После распада СССР Российская Федерация объявила себя государством — продолжателем Советского Союза, благодаря чему Россия унаследовала постоянное место в Совете Безопасности ООН. Американские консультанты активно участвовали в разработке экономических реформ, знаменовавших собой переход России от плановой к рыночной экономике. В переходный период США оказывали России гуманитарную помощь (операция *Provide Hope*). Отношения России и США улучшились, но ненадолго.

Распад Советского Союза, экономический и социально-политический кризис в России, резкое падение ее международного престижа и военно-политического потенциала привели к тому, что США стали фактически единственным мировым лидером. Во время визита М. Олбрайт в Россию в январе 1999 года Б. Ельцин и М. Олбрайт подтвердили приверженность России и США строительству двусторонних отношений на основе равноправия, уважения и учета интересов друг друга. Было особо подчеркнуто важное значение конструктивного российско-американского взаимодействия как стабилизирующего фактора междуна-

родной жизни. Президент Российской Федерации и госсекретарь США высказались за дальнейшее поступательное развитие многоплановых отношений между двумя странами на всех уровнях и отметили, что возникающие расхождения в подходах к тем или иным проблемам не должны заслонять общность основополагающих стратегических целей двух стран. Олбрайт подтвердила принципиальную линию администрации США на поддержку российских реформ.

Но поддерживали своеобразно. Россия интересовала США исключительно как бензоколонка, как сырьевой призрак в статусе полуколонии. Мадлен Олбрайт считала, что для обеспечения работы нефте- и газопроводов, шахт 140-миллионное население РФ представлялось избыточным. Об этом откровенно и цинично заявляли и многие другие представители западной элиты. Маргарет Тэтчер: «Россиян следует сократить до 15 миллионов, обслуживающих скважины и рудники». Бывший британский премьер Дж. Мейджор вторил «железной леди»: «Задача России после проигрыша в холодной войне — обеспечить ресурсами благополучие стран Запада. Но для этого ей нужно всего 50 миллионов человек».

В России рассчитывали, что с распуском Организации Варшавского Договора НАТО рано или поздно также будет распущено, тем более что руководство США давало гарантии того, что блок не будет расширяться на восток. Однако в 1999 году в НАТО были приняты Чехия, Польша и Венгрия, а в 2004 году — Эстония, Латвия, Литва, Румыния, Словакия, Словения и Болгария. Этот факт, а также операции США и их союзников против Югославии, Афганистана

и Ирака вызвали в России замешательство по поводу выстраивания отношений с США. С одной стороны, после террористического акта 11 сентября 2001 года в США Россия присоединилась к антитеррористической коалиции, возглавляемой США, рассчитывая на то, что под понятие «терроризм» удастся подвести и действия чеченских сепаратистов, а значит, получить хотя бы молчаливую поддержку Запада; с другой — уже 13 июня 2002 года США денонсировали Договор по ПРО 1972 года, мотивируя это необходимостью защиты от «стран-изгоев».

В 2003 году Россия совместно с Францией и Германией фактически возглавили «лагерь несогласных» с действиями США в отношении Ирака. В конце 2004 года в российско-американских отношениях наступило небывалое похолодание, связанное с событиями на Украине («оранжевая революция»). А своего пика противоречия между США и РФ достигли после государственного переворота на Украине и воссоединения Крыма с Россией в 2014 году.

К основным проблемным вопросам между Россией и США относятся помочь России Ирану в осуществлении ядерной программы, энергобезопасность, ситуация в Грузии, Украине и Палестине, а также развертываемая Соединенными Штатами в Европе система противоракетной обороны. Под предлогом развития демократии США финансируют некоторые российские неправительственные организации и политические партии.

Вице-президент США Ричард Чейни, находясь в Вильнюсе, 4 мая 2006 года произнес речь, которую многие теперь называют «вильнюсской» по примеру «фултонской» речи Черчилля.

ля. По его словам, США не устраивает «использование Россией своих минеральных ресурсов в качестве внешнеполитического оружия давления, нарушение в России прав человека и деструктивные действия России на международной арене». Требование отказа России от прекращения сотрудничества с Ираном, Сирией, КНДР, Белоруссией и другими государствами, «вызывающими тревогу» у США, приводит к постоянным российско-американским конфликтам в Совете Безопасности ООН.

В начале 2007 года между США и Россией с новой силой разгорелся конфликт по поводу намерения США разместить в Польше и Чехии элементы своей системы ПРО. По словам руководства США, этот шаг направлен на защиту Европы от северокорейских и иранских ракет. Российское руководство категорически отвергает такое объяснение.

Министр обороны США Роберт Гейтс 8 февраля 2007 года заявил, что «Соединенным Штатам Америки следовало быть готовыми к возможному вооруженному конфликту с Россией». В свою очередь, на Мюнхенской конференции по безопасности 10 февраля 2007 года Владимир Путин с жесткой критикой обрушился на внешнюю политику США.

Президент России Владимир Путин 14 июля 2007 года подписал Указ «О приостановлении Российской Федерацией действия Договора об обычных вооружениях в Европе и связанных с ним международных договоров». Наблюдатели полагают, что это решение стало первым шагом российского руководства в сторону коренного изменения военно-политической обстановки на Евразийском континенте, складывающейся с начала 1990-х годов не в пользу России.

В сопровождающей документ справке указывается, что данное решение было вызвано «исключительными обстоятельствами, влияющими на безопасность Российской Федерации». К таким, в частности, отнесены:

- 1) превышение восточноевропейскими государствами — участниками ДОВСЕ, присоединившимися к НАТО, «групповых» ограничений ДОВСЕ в результате расширения альянса;
- 2) невыполнение странами НАТО принятого в 1999 году политического обязательства об ускоренной ратификации Соглашения об адаптации ДОВСЕ;
- 3) отказ Латвии, Литвы и Эстонии, вступивших в НАТО, от участия в ДОВСЕ и в результате появление на северо-западной границе РФ территории, «свободной» от ограничений на размещение обычных вооружений, в том числе и вооружений других стран;
- 4) планируемое размещение военных баз США на территориях Болгарии и Румынии.

В августе 2008 года новый виток противостоянию России и США дало вторжение грузинских войск в Южную Осетию. Российские войска очистили территорию почти полностью захваченной непризнанной республики от грузинской армии и в течение нескольких дней продолжали бомбардировки военных объектов на всей территории Грузии, после чего Россия официально признала Южную Осетию и Абхазию независимыми государствами. Под вопросом оказалось дальнейшее существование Совета Россия — НАТО.

В связи с избранием Барака Обамы на первый срок Фрэнсис Фукуяма отмечал: «Я не исключаю, что могут возобно-

виться отношения периода холодной войны, когда мы имели дело с русскими, которым нельзя было доверять и которые в любой момент могли прибегнуть к военной силе. Разница будет лишь в том, что в отличие от Советского Союза Россия более интегрирована в мировую экономику, а оттого и более уязвима. Это накладывает определенные ограничители на действия России, которых не существовало в период холодной войны».

На брифинге 7 января 2009 года, посвященном политике уходящей администрации президента США Буша-младшего, его советник по национальной безопасности Стивен Хэдли, говоря об американо-российских отношениях, так сформулировал итоги последних лет: «Президент Буш работал над тем, чтобы перевести двусторонние отношения из русла противостояния времен холодной войны на путь сотрудничества в тех областях, где мы имеем общие интересы, решая при этом имеющиеся разногласия в открытой, последовательной и транспарентной манере».

Среди достижений Хэдли отметил американо-российское сотрудничество в области сокращения ядерного оружия, нераспространения ОМП, в решении иранской и северокорейской проблем, поддержании переговорного процесса по достижению мира на Ближнем Востоке.

В 2013 году как темы разногласий между РФ и США выделяются ситуация в Сирии и КНДР, противоракетная оборона, положение некоммерческих организаций в России, закон Магнитского и закон Димы Яковлева.

Годом, официально изменившим однополярную модель мира на двухполюсную, стал 2014-й. После воссоединения Крыма с РФ и началом операции российских ВКС в Сирии в 2015 году на мировой шахматной доске снова появились два сильнейших игрока: Москва и Вашингтон. И это обстоятельство вынужден учитывать и новый президент США Дональд Трамп.

ИСТОРИЯ АНТИРОССИЙСКИХ САНКЦИЙ: ОТ ИВАНА ГРОЗНОГО ДО НАШИХ ДНЕЙ

Впервые антироссийские санкции наиболее отчетливо обозначились в период позднего Средневековья, в частности, в 1548 году по поручению Ивана Грозного саксонский купец Г. Шлитте завербовал в разных городах Европы 123 мастера различных профессий. Несмотря на разрешение германского императора Карла V, мастера в Россию так и не попали. Все они были арестованы властями Любека по просьбе руководства Ливонского ордена — государства крестоносцев на территории современных Эстонии и Латвии. Власти ордена и прибалтийских городов опасались усиления России в военном и экономическом плане. В любекском архиве нашли письмо ревельского магистрата от 19 июля 1548 года, в котором была изложена просьба сделать все возможное, чтобы не пропустить Г. Шлитте и его спутников в Москву. При этом в письме рисовалась страшная картина бедствий, которые постигнут «Ливонию и всю немецкую нацию, если московиты ознакомятся с военным искусством Запада». Данная акция, несмотря на свою политическую подоплеку, носила и откро-

венно дискриминационный по отношению к экономическим интересам России характер.

В этот период весь торговый обмен с ней европейские купцы должны были осуществлять через ливонские порты Ригу, Ревель и Нарву, товары должны были перевозиться только на ганзейских судах. Для того чтобы не утратить монополию на торговлю с Россией, купцы Ганзейского союза проводили скоординированную с властями ливонских городов политику по недопущению ремесленников из европейских государств на Русь.

Усиление Московского царства в период Ивана Грозного вызвало действительно серьезную обеспокоенность в ряде стран Европы. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что в 1570 году на всегерманском депутатационстаге во Франкфурте герцог Альба (наместник императора Карла V в Голландии) высказал идею «не посыпать в Москвию артиллерию, дабы она не стала врагом грозным не только для империи, но и для всего Запада».

В этот же период начинается и широкая информационная кампания по очернению России. Так, в ряде крупнейших европейских городов огромным тиражом были изданы «летучие листки», в которых рассказывалось: Московия — страна тьмы, «руssкие — дикари, варвары и царь у них совсем ужас... у него минимум 50 жен, как в турецком гареме, турки не являются самой страшной угрозой Европе по сравнению с russkimi». Примечательно, что подобного рода страшилки и сейчас достаточно распространены и в Европе, и в США.

Европа успокоилась в отношении России только в период русской Смуты начала XVII века. При этом некоторые наиболее

активные государства этого периода (Польша, Швеция) и сами приняли в ней участие. Россию стремились не только победить, но и унизить, поставив во главе государства сначала самозванцев-лжедмитриев, а затем и сына польского короля – Владислава. Фактически речь шла о том, быть ли России самостоятельным государством или же колониальной окраиной Польши и Швеции. Результатом реализации этих амбициозных планов стало то, что, как отмечает английский историк А. Тойнби, «давление на Россию со стороны Польши и Швеции в XVII веке... неминуемо должно было вызвать ответную реакцию. Временное присутствие польского гарнизона в Москве и постоянное присутствие шведской армии на берегах Нарвы и Невы постоянно травмировали русских, и этот внутренний шок подтолкнул их к практическим действиям... Понадобилось чуть более столетия, считая с подвигов Петра, чтобы Швеция лишилась всех владений на восточных берегах Балтийского моря, включая свои исконные земли в Финляндии. Что же касается Польши, то она была стерта с политической карты».

После же того как Петром I было «прорублено окно» в Европу на Неве и в Азию – на Каспии, выстраивавшаяся столетиями в отношении России экономическая блокада утратила актуальность. В последующем усилиями Петра I, его дочери Елизаветы и Екатерины II было создано ведущее для мирового сообщества того времени государство, которое не только в полной мере обеспечивало свою безопасность, но и являлось гарантом мира и стабильности в Европе. Наиболее образно сложившееся положение было отражено словами бывшего канцлера Российской империи А. Безбородко: «Ни одна пушка ни в Европе,

ни в Азии без ведома императрицы Екатерины не имели права выстрелить».

Поэтому вплоть до второй половины XIX века, до вступления России в полосу системного кризиса, о санкциях в отношении нее никто открыто не заявлял. Только лишь в середине столетия по итогам неудачной для России Крымской войны в очередной раз встал вопрос об антироссийских санкциях.

К категории наиболее известных санкций того времени, по всей видимости, следует отнести запрет России иметь флот на Черном море, введенный условиями Парижского договора (1856 года) по окончании Крымской войны. Вследствие этого Россия оказалась запертой в Черном море, а ее торговля с внешним миром через черноморские проливы Босфор и Дарданеллы оказалась под контролем не столько Турции, владевшей этими проливами, но и Великобритании. Вследствие подписанного в 1838 году договора о свободной торговле, который предоставил Великобритании режим наибольшего благоприятствования, Турция находилась в экономической и политической зависимости от нее.

Именно тогда впервые прозвучали слова канцлера Горчакова «Россия не сердится, Россия сосредоточивается». В 1860 году Россия вышла из навязанного ей Парижского договора и в последующем сосредоточила внимание на реализации своих жизненно важных национальных интересов, став в результате этого одним из влиятельных и наиболее динамично развивающихся государств, что позволило Александру III произнести историческую фразу: «Европа подождет, когда русский царь ловит рыбу».

В этих условиях конечно же ни о каких санкциях в отношении России речи быть не могло. Поэтому все, что могли позволить себе западные партнеры Российской империи,— это разнуданная антироссийская пропаганда, изображающая Россию в качестве потенциального агрессора, готового в любой момент поглотить «цивилизованную» Европу.

Вот, например, как англичане изображали Россию во второй половине XIX века. Первым Россию в виде осьминога изобразил английский иллюстратор Ф. В. Роуз на «Серьезно-юмористической военной карте 1877 года». В последующем это изображение было растиражировано. Более того, образ нашей страны на географических картах в виде того или иного чудовища для европейцев стал признаком хорошего тона.

В очередной раз санкции в отношении России были введены в период очередной «русской смуты»—революций 1917 года и последовавшей за ними Гражданской войны. В самый ее разгар (10 октября 1919 года) санкции в отношении России были введены по инициативе госсекретаря США Р. Лансинга со стороны как самих США, так и стран Антанты (Великобритании и Франции). Этому предшествовала их интервенция, а также начавшаяся польско-советская война. Причиной введения санкций стало разочарование лидеров западных стран в возможности военно-силовым путем свергнуть Советскую власть. Так, в частности, бывший тогда премьер-министром Великобритании Д. Ллойд Джордж, обосновывая целесообразность введения санкций против Советской России, заявил: «Мысль подавить большевизм военной силой — чистое безумие... и надеяться на них (Деникина, Колчака, чехов и поляков) — значит строить

на сыпучем песке». Именно поэтому в условиях начинавшегося голода усилие было сделано на прекращение поставок продовольствия в Советскую Россию.

Экономическая блокада продолжалась вплоть до 16 января 1920 года, когда Верховный Совет Антанты принял решение ослабить санкции и разрешил торговые операции с «русским народом» (кооперативными организациями). Окончательно санкции были сняты в 1925 году. При этом основную выгоду от санкций получили США. Так, импорт американских товаров в 1925 году был самым объемным и значительно превышал европейский. А к концу 1920-х годов поставщиками продукции были уже около 800 крупных американских фирм.

В том же 1925 году были введены новые санкции в отношении Советской России — так называемая «золотая блокада». Формальным поводом для нее стали обвинения в национализации иностранной собственности, сворачивание нэпа и разрыв действовавших концессионных соглашений. Вследствие этого США, Великобритания, Франция и ряд других западных стран отказались торговаться с СССР за золото и потребовали от России расплачиваться за продаваемое оборудование нефтью, зерном, лесом. С 1930 года купить технологии и оборудование можно было только за зерно. По мнению ряда историков и публицистов, все это делалось с целью стимулирования протестных настроений у населения СССР. Засуха 1931 года ухудшила ситуацию, погубив значительную часть урожая, а закупить на Западе продовольствие было нечем из-за золотой блокады и отсутствия валюты в результате эмбарго. Итогом этой санкционной политики стал голод в СССР 1932 – 1933 годов, во-

шедший в историю как «голодомор», жертвами которого стали не менее 7 млн человек.

В 1932 году в США был введен полный запрет на импорт товаров из СССР. И только после 1934 года золото вновь начало приниматься в качестве средства платежа.

Очередные санкции в отношении СССР были введены в 1939 году из-за начавшейся советско-финляндской войны. Но с учетом развития военно-политической ситуации в Европе и в мире в целом и в связи с началом Второй мировой войны эти санкции носили в значительной мере демонстрационный характер. В частности, 2 декабря 1939 года США объявили так называемое моральное эмбарго на торговлю с СССР. В рамках этого эмбарго был установлен запрет на поставки в СССР авиатехники, а также материалов для авиапромышленности, таких как алюминий, молибден и авиабензин. В то же время эмбарго никак не повлияло на внешнеторговые связи СССР, в том числе с США. Так, объем торговли с США в 1939 году составлял 66,1 млн руб., а в 1940 году возрос до 95,3 млн руб. Общий оборот советской внешней торговли также увеличился — с 271,4 млн руб. в 1939 году до 485,2 млн руб. в 1940-м.

После нападения нацистской Германии на СССР 22 июня 1941 года антисоветские санкции не вводились с учетом той потребности, которую испытывали США и Великобритания в его возможностях сокрушения немецкого военного потенциала. Поэтому вплоть до окончания Второй мировой войны ни о каких антисоветских санкциях речи также быть не могло. Но уже после ее окончания, с развязыванием руководством США (после «фултонской» речи У. Черчилля «Мускулы мира») холодной войны

против Советского Союза, санкции как инструмент воздействия на потенциального противника вновь были востребованы.

В 1947 году американским руководством была принята на вооружение так называемая доктрина Трумэна, основной смысл которой сводился к сдерживанию СССР во всех сферах жизнедеятельности.

С этой целью в марте 1948 года министерство торговли США ограничило экспорт стратегических материалов, оборудования и вооружений в СССР и соцстраны Восточной Европы. В 1949 году эти ограничения были закреплены в законе об экспортном контроле. Одновременно с этим по инициативе США был создан Координационный комитет по экспортному контролю (КОКОМ) для надзора за поставками товаров и технологий западных государств СССР и его союзникам. Комитет разработал стратегию «контролируемого технологического отставания», согласно которой техника и технологии могли продаваться в социалистические страны не раньше чем через четыре года после их серийного выпуска. Помимо этого были введены три списка товаров и технологий, поступление которых ограничивалось в СССР: первый — с полным запретом на экспорт, второй — с экспортом в ограниченном количестве и третий — без ограничений экспорта, но с контролем за их конечным использованием.

С момента начала деятельности КОКОМ начинается практически 70-летняя эпопея антисоветских, а затем и антироссийских санкций, не завершившаяся вплоть до настоящего времени. При этом санкции носили комплексный, системный характер и постоянно дополнялись новыми ограничениями в торговле с СССР.

Так, уже в 1962 году США и их союзниками был введен запрет на продажу в СССР труб большого диаметра, что привело к задержке строительства трубопровода «Дружба». Позднее, под давлением европейских производителей, запрет на поставку труб большого диаметра в СССР был снят.

В 1974 году конгрессом США была принята пресловутая поправка Джексона — Вэника, основанием которой послужило решение Советского правительства о компенсации эмигрантами, получившими высшее образование, затрат государства на их обучение в вузах. Это существенно снизило шансы потенциальных эмигрантов на выезд за рубеж. Руководство Израиля и США было возмущено таким «ушемлением прав», поскольку оно существенно ограничивало «приток мозгов» в эти страны.

Согласно поправке Джексона — Вэника, запрещалось предоставлять режим наибольшего благоприятствования в торговле, государственные кредиты и кредитные гарантии странам, которые нарушают или серьезно ограничивают права своих граждан на эмиграцию, а также другие права человека. Поправкой также предусматривалось применение дискриминационных тарифов и сборов в отношении товаров, импортируемых в США из стран с нерыночной экономикой.

Поправка не была отменена даже после введения свободы эмиграции в СССР в 1987 году, а лишь перешла в режим моратория. Подобное положение дел сохранилось и после распада СССР. И лишь в 2012 году поправка официально отменена.

Резонансными по своей сути стали попытки повлиять на Международный олимпийский комитет с целью отмены

XXII летних Олимпийских игр в Москве в 1980 году, после ввода в 1979 году ограниченного контингента советских войск в Афганистан по просьбе правительства этой страны.

Поскольку позиция МОК в вопросах недопущения использования спорта в качестве средства политического противоборства была принципиальной, принято решение проводить Олимпийские игры именно в Москве. В ответ на это США, а также их союзники по НАТО и страны, на которые они сумели воздействовать, Игры в Москве бойкотировали. Всего таких стран оказалось 64. При этом правительства Великобритании, Франции, Италии и Испании разрешили своим национальным олимпийским комитетам на самостоятельное принятие решения об участии в Олимпиаде. В итоге большинство спортсменов названных стран все-таки приехали на игры. Ответной реакцией стал бойкот со стороны СССР и его союзников следующих, XXIII Олимпийских игр (1984 года) в Лос-Анджелесе.

С приходом к власти в США администрации Р. Рейгана политика экономического удушения СССР обрела новый импульс. В основу ее стратегии заложен план из трех базовых пунктов:

- 1) подрыв системы власти и управления (в том числе путем демократизации через польскую «Солидарность»);
- 2) изматывающая ресурсная гонка вооружений и поддержка моджахедов в Афганистане;
- 3) сопутствующий обвал цен на сырье (преимущественно нефть).

Одной из первых таких акций стало введение в 1981 году запрета на поставки в СССР оборудования для строительства

нефте- и газопроводов, призванных связать Сибирь с Западной Европой и стать первой магистралью для их экспорта за рубеж. Помимо США поставщиками труб большого диаметра для этого газопровода могли быть только западногерманские компании, которые «с учетом возможных непредвиденных рисков» сразу же повысили цены на свою продукцию. Чтобы продолжить строительство газопровода, СССР вынужден был увеличить экспорт золота с 90 до 250 тонн в год. Причем уже не из текущей добычи, а из запасов.

Тем не менее США не удалось в полной мере добиться срыва строительства трубопроводов, в том числе из-за отказа европейских и японских компаний принимать участие в американских санкциях. На строительство компрессорных станций трубопровода от консорциума немецких банков во главе с Deutsche Bank был получен кредит 3,4 млрд немецких марок. Аналогичные соглашения были достигнуты с группой банков Франции и экспортно-импортным банком Японии. Так же СССР получил необходимое оборудование от западноевропейских и японских компаний, таких как: Creusot-Loire, John Brown Engineering, Japan Steel Works и др. В итоге трубопровод, по которому в настоящее время осуществляется экспорт газа в Европу, был все же достроен и введен в эксплуатацию в 1984 году.

Однако США в своей стратегии подрыва экономики СССР не оставляли попыток нанесения ей ущерба путем введения новых санкций, а также реализации иных экономических мер подрывного характера. Так, уже в сентябре 1983 года наиболее резонансным событием стал инци-

дент с пассажирским лайнером авиакомпании Korean Air, нарушившим 1 сентября воздушное пространство СССР с залетом на советскую территорию более чем на 500 км и пролетевшим над стратегически важными объектами. Командованием советских ПВО лайнер был принят в качестве самолета-шпиона, в результате был сбит советским Су-15. Жертвами стали 269 человек.

О том, что полет южнокорейского лайнера носил не только провокационный, но и разведывательный характер, свидетельствует целый ряд фактов. Наиболее обстоятельно ситуацию со сбитым самолетом осветил бывший высокопоставленный сотрудник японской военной разведки И. Танака, в 1997 году опубликовавший книгу «Правда о полете КАЛ-007». В книге И. Танака утверждает, что ЦРУ сознательно направило южнокорейский пассажирский самолет в советское воздушное пространство, чтобы вызвать переполох в системе противовоздушной обороны СССР и выявить ее засекреченные и обычно молчавшие объекты. По мнению И. Танаки, США в то время прилагали все усилия для сбора информации о советской ПВО на Дальнем Востоке, которая в 1982 году была модернизирована и значительно усиlena. Косвенно подтверждает правоту И. Танака и тот факт, что материалы по этому делу со стороны США вплоть до настоящего времени остаются полностью засекреченными.

Между тем сам по себе инцидент стал основанием для развязывания очередной антисоветской кампании, в рамках которой США ввели очередные экономические санкции в отношении СССР. Так, уже 2 сентября 1983 года Федеральное управление

гражданской авиации США блокировало воздушное сообщение с СССР. В результате воздушное пространство между двумя странами было перекрыто. Но уже через два месяца, в ноябре 1983 года, в связи с убытками крупных американских авиакомпаний, потерявших удобный маршрут в Азию, санкции были отменены.

Во второй половине 1980-х годов руководство США осознало, что наиболее уязвимым сегментом экономической политики СССР являлась его зависимость от экспорта углеводородов. Именно этой сфере и было решено нанести максимальный ущерб. С этой целью был инициирован обвал цен на нефть. В 1986 году США вынудили руководство Саудовской Аравии, доминировавшей в ОПЕК, резко нарастить объемы нефти. В результате цена на нефть упала с более чем 30 долларов за баррель в ноябре 1985 года до почти 10 долларов к июлю 1986 года. Экспорт нефти, к тому времени основной источник валютных поступлений СССР, стал фактически нерентабельным. Все это спровоцировало масштабный кризис, трансформировавшийся в последующем под влиянием целого ряда других негативных факторов в системный внутриполитический.

Распад СССР в 1991 году, несмотря на декларированное партнерство США с руководством уже Российской Федерации, фактически не повлиял на их санкционную политику.

Вплоть до 1994 года действовали санкции, определенные в рамках функционирования КОКОМ. Но даже после их отмены в силе оставались запретительные меры, введенные в сентябре 1991 года по поставкам в Россию электронных систем,

оптических волокон, средств связи, морской и аэронавигационной техники, реактивных двигателей и т.д.

В 1998 году санкционная политика обрела новое содержание — научное. Так, в «черный список» (по подозрению в сотрудничестве с Ираном в ракетной и ядерной областях) США внесли 10 российских учреждений: Балтийский государственный технический университет (бывший Военмех, Санкт-Петербург), «Европалас-2000», государственная хозрасчетная организация «Главкосмос», НИИ «Графит», научно-производственная ассоциация «Полюс», научно-производственный центр «ИНОР», фирма «Мосо», Московский авиационный институт, Российский химико-технологический университет им. Д. И. Менделеева, а также подразделения Научно-исследовательского и конструкторского института энерготехники (НИКИЭТ). В соответствии с санкциями руководства США, американским компаниям было запрещено получать напрямую или опосредованно от этих российских организаций любые товары, технологии или услуги. К 2004 году санкции были сняты с пяти организаций, а в феврале 2010 года были отменены ограничения на сотрудничество с Военмехом.

В санкционной сфере политики США в отношении России 2012 год ознаменовался двумя событиями. С одной стороны, была отменена пресловутая поправка Джексона — Вэника, а с другой — конгрессом США был принят Акт Магнитского, по имени юриста, проходившего свидетелем и подозреваемым по крупным экономическим преступлениям фонда Hermitage Capital Management. При невыясненных обстоятельствах

С. Л. Магнитский погиб в следственном изоляторе «Матросская тишина», что стало основанием антироссийской кампании в США и введения санкций в отношении ряда официальных лиц Российской Федерации, причастных или даже просто имеющих отношение (по мнению США) к его гибели.

В список попали несколько десятков фамилий чиновников из МДВ, ФСБ, ФНС, Арбитражного Суда, Генпрокуратуры и ФСИН. Им был запрещен въезд на территорию США, а их денежные и имущественные активы, если таковые имелись, были заморожены. При этом выводы о причастности тех или иных лиц были сделаны без расследования и суда.

Казалось бы, это безобидная санкция для «чистых совестью» людей. Но на деле закон Магнитского стал одним из главных рычагов давления США с целью демонизации России и дискредитации ее политического руководства, развязывания очередной антироссийской информационной кампании.

С учетом дальнейшего развития ситуации в этой сфере есть все основания полагать, что сам по себе Акт Магнитского являлся подготовительной акцией для реализации более масштабной санкционной политики, начавшейся с пресловутой «революции достоинства» на Майдане в Киеве. США необходимо было подготовить общественное мнение своего населения и тех стран, которые им подконтрольны, для того чтобы оно восприняло и поддержало санкции, введенные в отношении России в 2014 году.

ПЛАНЫ ЗАПАДА (США) ПО РАСЧЛЕНЕНИЮ СССР И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Стало общим местом утверждение о том, что распад СССР и возглавлявшегося им социалистического содружества видится поражением нашей страны в очередном раунде миропроектной конкуренции со своим главным оппонентом — цивилизацией «коллективного Запада» во главе с ее англосаксонским ядром.

Это поражение было предопределено предательством значительной части советской элиты, которая, подобно Иуде, отказалась от отечественной проектности в обмен на «тридцать сребреников», которые сулились ей в виде интеграции в Запад и обещанного места в ряду элитарных представителей «сильных мира сего». Для того чтобы подвести черту под рассмотрением внутриэлитных причин фиаско советского проекта, отнюдь не предопределенного естественным ходом исторических событий, приведем датированные 1997 годом рассуждения на этот счет академика Д. М. Гвишиани, что немаловажно отметить, зятя Косыгина, одного из стоявших у истоков этого процесса члена Римского клуба: «То, что происходит с нами сегодня, с огромным трудом поддается осмыслению, — слишком

серьезны и кардинальны перемены. Но именно их серьезность и кардинальность безотлагательно требуют глубокого анализа. К нашей многострадальной стране, бывшему Советскому Союзу, прикованы взоры всего мира, а сами мы исследуем собственное прошлое.

Не менее важно также понять, что же мешало новому восприятию мира утвердиться уже тогда, почему вместо этого мы впали в социальный анабиоз, почему пришли к нынешнему распаду и хаосу и, главное, по-прежнему ли мы стоим перед бездной, куда будет следующий шаг — в пучину или на твердый, надежный путь?»

Не понимать, что творит Римский клуб и чем на самом деле является соучастие в его работе, Гвишиани не мог. Поэтому одно из трех:

- либо советские участники этого элитарного сговора были заодно с западными,
- либо они не имели вообще никакой стратегии и действовали по принципу «ввязнемся, а там посмотрим»,
- либо они были просто беспардонно обмануты своими западными коллегами, получив вместо обещанной конвергенции разрушенную, сброшенную, по собственному выражению Гвишиани, «в распад и хаос» страну.

Обманутыми оказались и 300 миллионов советских граждан, а также как минимум еще 26 миллионов, не родившихся по причине обусловленного распадом СССР исторического провала. И это только в Российской Федерации. В результате этого сформировалась тенденция, получившая название «русский крест», визуально наблюдаемая пересечением в системе коор-

динат постсоветской эпохи восходящей смертности и нисходящей рождаемости.

Переходим теперь к другим факторам краха СССР, рассматривать которые будем строго на документальной основе, не допуская вольных домыслов или свободного толкования тех или иных фактов.

Вначале о стратегическом замысле в отношении нашей страны, сформулированном А. Печчеи в книге «Перед бездной», в основу которой была положена его брошюра «Вызов 70-х годов современному миру», выпущенная, в свою очередь, по мотивам одного из публичных выступлений основателя Римского клуба. С нее мы и начнем.

«Разделение человечества на три части выглядит настолько соответствующим действительности, что кажется вечным, но в наше время ветер перемен веет с такой силой, что в уже разделенном мире возникают новые и новые трещины. Посмотрим на те, что могут иметь историческое значение.

Первый разрыв заметен в коммунистическом мире. Вначале он оказался не столь однородным, как представлялся; потом выяснилось, что его производственный потенциал составляет лишь малую долю западного и для сокращения разрыва надо направлять на инвестиции большую долю национального дохода.

Учитывая столь явное расхождение двух миров, можно объективно признать невозможным три события.

Во-первых, невозможно продолжение советской помощи Китаю. Советский Союз должен беречь ресурсы для собственных целей и не может экономически поддерживать Китай как

раз в то время, когда последний больше всего нуждается в поддержке. Сокращение советского технического содействия — это важнейший фактор идеологических расхождений между Россией и Китаем, который делает их необратимыми.

Такова первая трещина, образовавшаяся в последние годы.

Два других невозможных события тоже объясняются тем, что Советскому Союзу необходимо инвестировать в собственное развитие всю долю национального продукта, не предназначенну для потребления. Становится невозможной жесткая конфронтация между Советским Союзом и Западом. Об этом надо помнить как о естественном поводе для заключения двумя блоками соглашения о разоружении, которое в то же время лишает Советский Союз возможности конкурировать в сфере помощи третьим странам, — еще одно обстоятельство, открывающее путь совместным действиям в интересах народов развивающихся государств».

Понимаем ли мы, как нас «сделали»?

Сначала сконцентрировали внимание на коммунистическом мире. Потом выяснилось, что не на всем, а только на Советском Союзе. Среди других социалистических стран упомянули лишь Китай, и то «по касательной», в контексте невозможности для СССР оказывать ему помощь. Получается, что предприняли все возможное, чтобы максимально расширить уже образовавшуюся к 1965 году, в котором был обнародован этот материал, «трещину» между нашими странами, спроектировав ее к тому же на идеологические разногласия, никакого внешнего отношения к техническому и технологическому взаимодействию наших стран не имевшие.

Напомним, что 1965 год — это преддверие «культурной революции» в КНР и запуска в СССР косыгинских реформ, ориентированных на внедрение хозрасчета, то есть элементов рыночной экономики. В Китае это было воспринято так же болезненно, как и хрущевское разоблачение «культы личности» Сталина. Именно с запуска этих реформ официальный Пекин ввел в пропагандистскую оценку ситуации в СССР такие, признаем, сильные аргументы, как «советский ревизионизм» и «буржуазное перерождение».

Таким образом, 1965 год — это точка, в которой две крупнейшие социалистические страны разошлись окончательно и бесповоротно. Именно в этот момент, когда решался вопрос, по какому дальнейшему пути нам развиваться, Печчеи и его сторонники внутри СССР изо всех сил подталкивали страну именно в том направлении, которое было желательно Западу. А затем, спустя семь лет, воспользовались углубляющимся кризисом в советско-китайских отношениях, предложив Пекину дружбу против Москвы.

Случайно ли Печчеи так нажимал в 1965 году на «невозможность продолжения советской помощи Китаю»? Происходившее вокруг косыгинских реформ все более напоминало генеральную репетицию «перестройки», предпринятую уже не Хрущевым, а после него. Повисает в воздухе и вопрос о роли Л. И. Брежнева, имя которого в связи с перипетиями реформы практически не упоминается. Воцарившееся при этом «первом лице» несвойственное прежде «коллективное руководство» оказалось ширмой, прикрывавшей расширявшуюся вакханалию безвластия и преобразовательного «зуда», помноженную

на упразднение существовавшей при В.И. Ленине и И.В. Сталине персональной ответственности за результаты деятельности ответственных должностных лиц.

Поразительно: косыгинские реформы, провозглашавшиеся средством борьбы с хрущевским «волюнтаризмом», «субъективизмом» и «прожектерством», на деле привели к их умножению, разбалансировав не только экономическую, но и социальную систему СССР. Одним из их наиболее значимых негативных результатов стал рост цен. Далеко идущие последствия имела и начавшаяся погоня предприятий за прибылью и, как следствие, игнорирование ими технологического развития.

Продолжением сказанного и одновременно доказательством объективности нашего анализа служит тот упор, который делался Печчеи именно на «потребительской» мотивации экономического развития. Отсюда происходят и политические выводы: коль скоро Советский Союз решит стать на этот путь, то есть окончательно перейти на западный проектный язык, оказавшись от идеологического первородства, то его внешний рынок должен быть переориентирован на западных же партнеров, а внутриполитическая жизнь открыта для идеологических инноваций. Нашей стране приказным тоном буквально навязывался антикоммунизм: это же видно невооруженным глазом!

Расширенный вариант «вызыва 70-х годов современному миру» был представлен вышедшей в 1969 году книгой Печчеи «Перед бездной». Она строилась по классической схеме с катастрофическим началом в первой и второй главах — «Раскол по берегам Атлантики» и «Мир в конвульсиях» и «хеп-

пи-эндом» в третьей, озаглавленной «Проект-1969», которая, по многозначительному свидетельству Гвишиани, являлась «полной программой практического осуществления идей А. Печчеи». «Проект-1969», по мысли Печчеи, должен был стать делом всего мира, приложением совместных усилий развитых стран.

Основная мысль проекта проста: западные цели были, есть и будут противоположны советским или российским, ибо направлены на расчленение нашей страны. Для понимания этого, обладая данными спецслужб, разве быть семи пядей во лбу требовалось?

Проследим за руками «наперсточников» — самого Печчеи и его горячего адепта Гвишиани. Итак, мир — это «интегрированная макросистема», элементам которой угрожает «неконтролируемый технологический прогресс». Источник этого «неконтролируемого прогресса» — кто? Если верить предыдущим откровениям, то США, ибо именно они «останутся на гребне волны прогресса, оставив позади все другие страны», в то время как Советский Союз «обречен беречь ресурсы для собственных целей». Так кто должен был становиться объектом «глобального планирования» — мы или они? Вопрос настолько же риторический, насколько и конъюнктурный, привязанный к степени его осмыслиения теми или иными элитами.

На самом деле кто заговорил на чужом проектном языке, тот и обречен был стать объектом. Тот и стал. Однако тех, кто все это устроил (прежде всего Горбачев), последствия их предательства коснулись в последнюю очередь. Они и сегодня на чествовании по случаю юбилея сноса Берлинской стены или собствен-

ного 80-летия в Берлин и Лондон ездят, скромно признавая, что у себя на Родине памятников им никогда не поставят.

Однако Запад не был бы Западом, если бы относительно «мирные» планы интеграции, то есть подчинения нашей страны «глобальному планированию», рассчитанные на говорчность и продажность ее элиты, не подкреплялись более жесткими альтернативами. Мало ли чего ждать от этих русских.

В центр этих планов еще с Версальской конференции (1919–1920) было поставлено расчленение нашей страны, разработка сценариев которого обрела новое дыхание с превращением Советского Союза в противостоящую Западу, в том числе и в центре Европы, мировую сверхдержаву. Доказательством этого служит целый ряд документов, привести которые полностью или даже частично мы не сможем из-за ограниченности разумного объема любого исследования. Поэтому обратимся к наиболее важным, характерным и знаковым.

Из секретной директивы от 18 августа 1948 года: № 20/1, принятой Советом национальной безопасности (СНБ) США: «Правительство вынуждено в интересах развернувшейся ныне политической войны наметить более определенные и воинственные цели в отношении России. Наша цель — свержение Советской власти. Наше дело — работать и добиться того, чтобы там (в СССР) свершились внутренние события. Речь идет прежде всего о том, чтобы сделать и держать Советский Союз слабым в политическом, военном и психологическом отношениях. Следует со всей силой подчеркнуть, что независимо от идеологической основы любого некоммунистического режима и независимо от того, в какой мере он будет готов на словах воздать хвалу

демократии и либерализму, мы должны добиться осуществления наших целей. Мы должны создать автоматические гарантии, обеспечивающие, чтобы даже некоммунистический и номинально дружественный к нам режим:

- не имел большой военной мощи;
- в экономическом отношении сильно зависел от внешнего мира;
- не имел серьезной власти над главными национальными меньшинствами;
- не установил ничего похожего на «железный занавес».

В случае если такой режим будет выражать враждебность к коммунистам и дружбу к нам, мы должны позаботиться, чтобы эти условия были навязаны не оскорбительным или уничижительным образом».

Поэтому цели, поставленные в 1948 году, как видим, были не только выполнены, но и перевыполнены. Сформировавшийся вследствие «перестройки» и распада Советского Союза «некоммунистический режим» выражает неприкрытую враждебность к советскому периоду отечественной истории и «дружбу к Западу».

Через четыре года после директивы СНБ появился новый, весьма конфиденциальный документ, положенный в основу создания Бильдербергского клуба — неформального института, представляющего собой контролируемое англосаксонским центром Запада объединение наиболее влиятельных представителей североамериканских и европейских элит. В преамбуле соответствующей концепции, адресованной генеральным секретарем проамериканского «Европейского движения» Дж. Рет-

тингером будущему первому директору Бильдербергского клуба голландскому принцу Б. фон Липпе-Бистерфельду, говорилось следующее:

«Англосаксы как раса предназначены для того, чтобы одни расы вытеснить, другие ассимилировать, и так до тех пор, пока все человечество не будет англосаксонизировано. Но прежде всего необходимо установить контроль над сердцевиной земного шара — Россией. Без этого мировое господство англосаксов недостижимо. Для того чтобы овладеть Россией, этой огромной континентальной массой, необходимо выработать стратегию, в соответствии с которой США и их союзники должны, как анаконда, сдавливать Россию со всех сторон: с запада — Германия и Великобритания, с востока — Япония. На южном направлении надо создать государство-вассал проанглосаксонского толка, которое, раскинувшись между Каспийским, Черным, Средиземным, Красным морями и Персидским заливом, плотно закрыло бы тот выход, которым Россия пока легко достигает Индийского океана. Такого государства пока не существует, но нет причин, чтобы оно не появилось в будущем.

Рассматривая проблему с геостратегических позиций, необходимо констатировать, что главным и естественным врагом англосаксов на пути к мировой гегемонии является русский народ. Повинуясь законам природы, он неудержимо стремится к югу. Поэтому необходимо немедленно приступить к овладению всею полосой Южной Азии между 30 и 40-м градусами с.ш. и с нее постепенно оттеснять русский народ к северу».

Государство, которое «пока не существует, но нет причин, чтобы оно не появилось в будущем», — это хорошо знакомый нам

по деятельности исламских фундаменталистов «проект Халифат», или современный ИГИЛ. Именно из этого антироссийского проекта, получившего название «Петля анаконды» (автором данного термина является американский геополитик адмирал А. Мэхэн), берут начало как иранская и афганская революции 1970-х годов, так и «революционные» события 2011 года в Северной Африке и на Ближнем Востоке, а также и проект так называемого Исламского государства.

Из приведенных документов и фактов понятно, почему на Западе полураспад нашей страны был воспринят в качестве успешной реализации некоей «программы-минимум», исчерпание которой автоматически поставило в повестку дня вопрос о переходе к решению задач, предусмотренных «программой-максимум». Необходимость понять, почему так произошло и что именно зашифровано под понятием «программа-максимум», побуждает нас обратиться к другим источникам и фактам.

Например, к законотворческой деятельности конгресса США, а также разработкам и планам, которые выдвигались некоторыми видными и наиболее непримиримыми к нашей стране представителями американского истеблишмента, особое место среди которых, безусловно, принадлежит Бжезинскому.

Конгрессом США 17 июля 1959 года был принят известный закон «О порабощенных народах» — Public Law (P.L.). Вот выдержка из этого весьма примечательного и далеко идущего по своим замыслам документа: «Политика КПСС привела к порабощению и лишению национальной независимости Литвы, Латвии, Эстонии, Украины, Белоруссии, Армении, Грузии, Азербайджана, Молдавии, Казахстана, Узбекистана, Туркменистана,

Киргизии, Таджикистана. Так как эти порабощенные народы видят в США цитадель человеческой свободы, ищут их водительства в деле своего освобождения и обретения независимости и в деле восстановления религиозных свобод христианского, иудейского, мусульманского, буддистского и других вероисповеданий, а также личных свобод и так как для национальной безопасности США жизненно необходима поддержка стремления к свободе и независимости, проявляемого народами покоренных наций, именно нам следует надлежащим официальным образом ясно показать таким народам, что народ США разделяет их чаяния вновь обрести свободу и независимость».

В 1961 году будущий создатель Трехсторонней комиссии и советник президента США Дж. Картера по вопросам национальной безопасности Бжезинский развел этот замысел в книге «Советский блок: единство и конфликт».

Выдвинув предложение расчленить СССР на 22 части, он сформулировал идею, трансформированную в план, явившийся логическим продолжением плана «Петля анаконды». В его рамках РСФСР в том виде, в каком она существовала в составе Советского Союза, предписывалось разделить на семь или восемь частей. В разное время и в разных источниках публиковались территориальные сценарии этого раздела. В связи с этим упоминались Московия, Ингерманландия (северо-запад), юг России, Идель-Урал, Казакия, Западно- и Восточно-Сибирская республики и Дальневосточная республика. Еще одну, 22-ю часть, видимо, предполагалось получить с помощью объединения в самостоятельное квазигосударство Кавказа и Крыма, передав его под протекторат Турции.

Рассказ об исторических перспективах, отводившихся нашей стране после окончания холодной войны и утверждения упомянутого директивой 20/1 «некоммунистического режима», мы начнем с некоторых откровений фигуры, пожалуй, равновеликой, если не превосходящей Бжезинского, причем не только на советском и российском направлениях. Это Киссинджер, которому без труда удалось в первой половине 1990-х годов переложить содержание и стиль директивы СНБ на современный лад: «Реформа в России является определяющим фактором американского мышления в отношении мирового порядка после окончания холодной войны. Американская политика базируется на предположении, что мир может быть обеспечен Россией, закаляющейся в горниле демократии и концентрирующей свою энергию на создании рыночной экономики. В свете этого главной задачей Америки принято считать содействие становлению российских реформ с применением мер, позаимствованных из опыта осуществления «плана Маршалла», а не из традиционных арсеналов внешней политики».

Аппетит, как видим, приходит во время еды. И коль скоро четыре вожделенных пункта из директивы уже выполнены, появилось намерение увидеть нас поверженными окончательно. В дополнение к этим пунктам нашему народу предписывалось еще и «воздать хвалу демократии и либерализму». В зависимость от нашей готовности так и поступить — подчеркнем это — Киссинджер ставил отнюдь не российско-американские отношения, а перспективы всего мирового порядка.

Выступая на совещании Объединенного комитета начальников штабов (ОКНШ) — высшего органа военного планирования

и управления США, президент Клинтон 24 октября 1995 года так сформулировал очередные задачи, стоящие перед Америкой: «Последние десять лет наша политика в отношении СССР и его союзников убедительно доказала правильность взятого нами курса на устранение одной из сильнейших держав мира, а также сильнейшего блока. Мы добились того, что собирался сделать президент Трумэн с Советами посредством атомной бомбы. Правда, с одним существенным отличием — мы получили сырьевой призрак, а не разрушенное атомом государство. Да, мы затратили на это многие миллиарды долларов, а они уже сейчас близки к тому, что у русских называется самоокупаемостью. За четыре года мы и наши союзники получили различного стратегического сырья на 15 млрд долларов, сотни тонн золота, серебра, драгоценных камней и т. д. Под несуществующие проекты нам проданы за ничтожно малые суммы свыше 20 тыс. тонн меди, почти 50 тыс. тонн алюминия, 2 тыс. тонн цезия, бериллия, стронция и других редкоземельных металлов.

В ближайшее десятилетие предстоит решение следующих проблем:

- расчленение России на мелкие государства путем межрегиональных войн, что были организованы нами в Югославии;
- окончательный развал военно-промышленного комплекса и армии России;
- установление нужного нам режима в оторвавшихся от России республиках».

Любопытно: Клинтон был членом закрытого, основанного еще С. Дж. Родсом «Общества Круглого стола», история которого, в свою очередь, уходит корнями в созданный в США при

непосредственном участии британской разведки в 1854 году, не- задолго до Гражданской войны 1861–1865 годов, орден «Рыца-ри Золотого круга». Членами именно этого ордена было обе- спечено распространение идеи септицизии (отделения) южных штатов. Рядом исследователей указывается на присоединение во время Гражданской войны к «рыцарям» президента мятеж-ной конфедерации Дж. Дэвиса, а также убийцы А. Линкольна Дж. У. Бута.

Вот краткая справка по истории этих структур в изложе-нии профессора Дипломатической академии МИД России И. Н. Панарина, автора нашумевшей книги «Первая информа-ционная война. Развал СССР»: «В качестве модели организации и функционирования «Круглого стола» Родс избрал орден иезуи-тов. Члены общества, в котором выделялись два круга: внутрен-ний («Общество избранных») и внешний («Ассоциация помо-щников»), были видными политиками, журналистами, деятелями науки и образования.

Общество привлекало на свою сторону людей со способ-ностями и положением и привязывало их к себе посредством либо брачных уз, либо чувства благодарности за продвижение по службе и титулы. И уже с помощью привлеченных оно влияло на государственную политику, главным образом путем занятия членами группы высоких постов, которые максимально защище-ны от влияния общественности, а иногда и вовсе скрыты от нее. Кстати, будущий посол Британской империи в России Джордж Бьюкенен также являлся членом этого общества.

Тайное общество было саморазвивающейся ветвящейся си-стемой, оказывавшей все возрастающее влияние на британскую

политику. После смерти Родса в 1902 году руководителем общества стал лорд Милнер. Главная установка Альфреда Милнера: расширение и интеграция империи и рост благосостояния общества необходимы, чтобы продолжал существовать британский образ жизни, раскрывающий все лучшие и высшие способности человечества. Одновременно ключевой идеей А. Милнера было создание Лиги Наций, находящейся под влиянием Британской империи.

В 1920-е годы одним из важнейших инструментов управления обществом стал созданный в 1920 году и полностью контролируемый ими Королевский институт международных отношений (КИМО). Здание, где сейчас располагается организация, служило домом для трех премьер-министров, включая графа Чэтема, пока в 1923 году оно не было подарено институту.

Подлинным основателем института стал Джордж Н. Керзон. Начало КИМО было положено на совместной конференции британских и американских экспертов (под руководством Э. Хауса) в парижской гостинице «Маджестик» в 1919 году. Штат института составили совет с председателем и двумя почетными секретарями и небольшая группа сотрудников. Среди последних наиболее значительной фигурой был Арнольд Дж. Тойнби — племянник друга Милнера, автор знаменитого многотомника *A Study of History*.

КИМО, также известный как Chatem House, — благотворительная организация и один из ведущих мировых институтов, специализирующихся на анализе международных отношений. Доход составляют благотворительные гранты, членские взносы,

пожертвования корпораций и доходы Chatem House Enterprise Ltd., дочерней торговой компании.

Однако кроме системы связей, в том числе и спецсвязей, общие контуры которой мы только что начертили, должна быть и стратегия, изложенная в соответствующих документах, которые, какой бы степенью секретности ни обладали, могли стать известными и быть хотя бы частично обнародованы. Ибо нет того тайного, что рано или поздно не становилось бы явным».

«Гарвардский проект»

В начале 1980-х годов советской разведкой были раздобыты материалы так называемого «Гарвардского проекта», которые включали три основных этапа, изложенных в трех книгах — «Перестройка», «Реформа», «Завершение». Некоторые другие источники причисляют к этому «проекту» еще и четвертую книгу — «Кольцо Сатурна», содержание которой, однако, не раскрывают.

Программа якобы была рассчитана на три пятилетки.

«Перестройка». С 1985 по 1990 год. Предполагала гласность, борьбу за «социализм с человеческим лицом», подготовку реформ и переход от социализма к капитализму. Руководить «перестройкой» должен был генеральный секретарь.

«Реформа». 1990–1995 годы. Цели:

- ликвидация мировой социалистической системы и Варшавского Договора;
- ликвидация КПСС;
- ликвидация СССР;
- ликвидация патриотического социалистического сознания.

При этом руководить процессом должен был уже другой лидер и другая команда.

«Завершение». 1996–2000 годы. Основные этапы:

- ликвидация армии;
- ликвидация российской государственности;
- ликвидация атрибутов социализма — бесплатного обучения, бесплатной медицины;
- введение основного принципа капитализма «каждый сам платит за все»;
- ликвидация сырой и мирной жизни сначала в провинции, а затем и в столицах (Москве и Ленинграде);
- повсеместная ликвидация общественной, государственной собственности и полная замена ее частной;
- ликвидация крупных городов и промышленных центров посредством продовольственных проблем, техногенных кризисов и вымораживания;
- постройка хороших путей сообщения (дорог, трубопроводов, ЛЭП и т. д.) между местами добычи основных полезных ископаемых и портами, а также непосредственно со странами Запада для оперативного и в максимальном объеме вывоза за границу основных богатств России;
- постепенный захват территории России ангlosаксонским населением (раньше, чем это сделают расы Востока).

Легко убедиться в том, что если задачи первых двух этапов этого гипотетического документа — «Перестройка» и «Реформы» — выполнены практически полностью, то третья — «Завершение» — не выполнена, по меньшей мере, в основной части поставленной ею задачи не «ликвидирована российская государственность».

Еще раз обратим внимание на то, что мы не занимаемся здесь рассуждениями о степени достоверности этих данных, а анализируем их содержание, пытаясь сопоставить его с действительностью. В отличие от некоторых политологов и экспертов, мы также не пытаемся соотнести обсуждаемый «Гарвардский проект» с Гарвардским проектом, который осуществлялся с 1948 года под руководством Дж. Кеннана — шефа группы политического планирования Государственного департамента США в целях оценки психологической уязвимости советского гражданского населения при массированных бомбардировках, аналогичных по масштабам бомбардировкам Германии союзной авиацией в период Второй мировой войны, и, соответственно, их непрямого эффекта. Мы не делаем это, хотя текст, обнаруженный советской разведкой, являлся продолжением варианта, который разрабатывался Кеннаном в Госдепе при поддержке Управления стратегических бомбардировок (УСБ), входившего в структуру предшественника ЦРУ — Управления стратегических служб (УСС) США.

Мы обсуждаем содержательную сторону этого проекта. Обсуждаем по существу.

Что еще следует из приведенной цитаты? Явный сдвиг сроков реализации «Гарвардского проекта», которые давно прошли и опоздали даже с завершением второго этапа, не говоря уж про гипотетический третий. На этом фоне тот же источник указывает, что еще в августе 1997 года Гарвардский институт международного развития обнародовал информацию о подготовке нового издания проекта, тем самым фактически признав, что предыдущая версия осталась до конца не реализованной.

Значит, любой, кто запускает длинный процесс (а наша «пестройка» и все, что за ней последовало, это, безусловно, длинный процесс), будет опираться и на эти циклы, и на закон ротации неподпитываемых социокультурных систем.

В июне 2001 года был обнародован отрывок из документа, который, как сообщается, циркулировал в конце 2000 года в аппарате вице-президента США Р. Чейни и считался частью заменившего «Гарвардский проект» «Хьюстонского проекта», который, по-видимому, и являлся искомой разработкой Института исследований сложности в Санта-Фе.

Теперь по существу «Хьюстонского проекта».

Объяснив в оскорбительно уничижительной форме происходившую в России деградацию государственных и политических институтов «неспособностью российского менталитета воспринять систему демократических ценностей и цивилизованного образа жизни», американские аналитики приступили к главному: «Одним из требований, предъявляемых к США новым российским вызовам, является отказ от отношения к России как к какому-то целому, каким она больше не является или перестанет являться в обозримом будущем. Необходимо прорабатывать отдельную политику для отдельных регионов, особо выделяя, как это сделано в настоящем обозрении, Калининград, Северный Кавказ, Восточную Сибирь и Дальний Восток, а также Москву и Санкт-Петербург, в которых сосредоточена элита федерального уровня».

Акцент сделан на следующем: следует также всячески стимулировать Японию не только к приобретению четырех спорных островов, но и к освоению всех Курильских островов и острова Сахалин.

Калининград: правовое регулирование

Постепенный отказ от льгот, демократические преобразования в Белоруссии, неэффективность избранного под давлением Москвы регионального руководства, тяжкий груз военной инфраструктуры усилият степень оторванности данной территории от России до уровня, который сделает неизбежным ее возвращение в Европу. Вероятным промежуточным этапом могло бы стать превращение региона в свободную экономическую зону с последующей демилитаризацией как его, так и прилегающих территорий стран НАТО, после чего он будет естественным путем втянут в экономику объединяющейся Европы.

Восточная Украина: нейтрализация имперского экспансиионизма

Необходимо быть готовым к негативному развитию событий, при котором промосковская ориентация части украинской элиты сохранит свое доминирование. В этом случае следует опереться на глубокие различия в менталитете населения Восточной Украины, традиционно считающего себя русским, и Западной Украины, отстаивающего национальную идентичность и независимость от России.

Данный курс может закончиться разделением Украины по Днепру, которое более соответствует национальным интересам США, чем начало процесса поглощения Украины Россией и превращения двух государств в одну потенциально опасную

империю. Именно так, скорее всего, и закончится нынешний конфликт на Донбассе.

Косвенным подтверждением подлинности документа служит последовательность выполнения всего намеченного американской стороной, начиная с шагов по «демократизации Узбекистана и Киргизии» и кончая предпринятой в конце 2009 года во время поездки Бжезинского в Пекин попыткой «сделать тему разграничения сфер и характера влияния в России «разменной монетой» при обсуждении более важных вопросов», то есть основать пресловутую «Группу двух» (G2), смысл которой — договориться с Китаем о совместном с США разделе советского наследства, подобно тому как Гитлер во время визита в Берлин в 1940 году В. М. Молотова предлагал И. В. Сталину таким же образом поделить британское имперское наследство. Как и СССР, Китай на это не пошел, вызвав возмущенную реакцию в тех кругах США, позицию которых можно считать индикатором истинного положения дел.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем итоги.

Несмотря на закрытость стратегического планирования в любой стране, а тем более в США — сверхдержаве, оказывающей исключительное по своей значимости воздействие на глобальные процессы, утечки информации все равно появляются. Из них выясняется общая тенденция эволюции первичных разработок по разрушению СССР, берущих начало с директивы СНБ США 20/1 (1948). Сформированный на ее основе «Гарвардский проект», развивавшийся вначале в плоскости социально-психологического экспериментирования и прогнозирования возможной реакции советского населения на разрушительные бомбардировки, затем, по всей видимости, перешел в геостратегическую плоскость и был расширен и переформатирован в обновленный план расчленения нашей страны. После того как первые этапы этого проекта увенчались относительным успехом, дальнейшая его реализация застопорилась.

Сменивший его «Хьюстонский проект» базировался, по-видимому, на планах не прямого и одномоментного расчленения Российской Федерации, а на идее постепенно-

го продвижения к решению этой задачи путем внутреннего «размягчения» и окружения нашей страны пространством «управляемого хаоса», направленного против Китая, но на прямую затрагивающего и нас. В рамках «Хьюстонского проекта» каждому региону отводилась отдельная стратегия, что базировалось на общей исходной посылке «не рассматривать Россию чем-то целым».

Открытым здесь остается вопрос о том, что являлось первичным, исходным, а что вторичным, производным. «Гарвардский проект» сам затормозился из-за объективных причин и потому был заменен «Хьюстонским»? Или открылись новые обстоятельства, а может, и возможности, которые побудили глобальных «дирижеров» осуществить эту «рокировку» по собственной инициативе? И не принятое ли незадолго до этого стратегическое решение изменить характер отношений США с мусульманским миром тому причина?

Как реагировала на все это Россия до перехода США «красной линии» в виде госпереворота на Украине?

Если в общих чертах, то продолжением следования в фарватере США и Запада, которое именно в том же 1997 году было ознаменовано подписанием Основополагающего акта Россия — НАТО. Вот лишь одна характерная выдержка из этого документа: «Исходя из принципа неделимости безопасности всех государств евроатлантического сообщества, Россия и НАТО будут совместно работать, с тем чтобы внести вклад в создание в Европе общей и всеобъемлющей безопасности, основанной на приверженности общим ценностям, обязательствам и нормам поведения в интересах всех государств.

Россия и НАТО будут содействовать укреплению ОБСЕ, включая дальнейшее развитие ее роли в качестве основного инструмента превентивной дипломатии, предотвращения конфликтов, урегулирования кризисов, постконфликтного восстановления и регионального сотрудничества в области безопасности, а также укреплению ее оперативных возможностей по осуществлению этих задач. ОБСЕ в качестве единственной общеевропейской организации безопасности играет ключевую роль в поддержании европейского мира и стабильности».

Итак, Россия включила себя в «евроатлантическое сообщество». В том же Акте звучит и термин «евроатлантический регион», упоминание о котором по сей день красной нитью проходит через важнейшие государственные документы Российской Федерации, включая Концепцию внешней политики и Стратегию национальной безопасности до 2020 года.

И при всем том ни слова не было произнесено об особости геополитического позиционирования нашей страны, то есть о ее принадлежности к Хартленду, а не к пресловутой «Евроатлантике».

Россия беззвучно и безропотно приняла укрепление ОБСЕ — организации-преемницы Общеевропейского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе (в документе упоминается и заключительный акт этого форума), которая не выполнила своего главного предназначения, для чего создавалась в 1975 году, — не обеспечила нерушимость европейских границ. Не поддерживать ОБСЕ нужно было, а немедленно распускать ее как организацию, само существование которой становилось в тех условиях угрозой национальным интересам нашей страны.

Россия признала включение в перечень полномочий ОБСЕ положения о «превентивной дипломатии». Ближайший по смыслу к «превентивной дипломатии» термин, поставленный этим документом во главу угла, — «миростроительство», то есть управление строительством «нового мирового порядка».

Наконец, Россия в Основополагающем акте согласилась с эксклюзивным статусом ОБСЕ в системе европейских институтов безопасности, признав ее «единственной» такой организацией. Тем самым она отсекла себе возможности, набрав сил, создать ей в будущем альтернативу, которая в большей мере соответствовала бы национальным интересам страны.

Таким образом, следует четко осознать, что рассчитывать на пощаду не приходится и Россию будут добивать всеми силами и всей сворой. Причем независимо от того, какой в ней будет режим и в какой мере он будет готов «воздать хвалу демократии и либерализму». Ребром поставлен вопрос о самом историческом выживании российской цивилизации, а стало быть, о поиске путей и способов выхода из тупика, в котором мы оказались после распада Советского Союза.

Именно об этом говорится в программных документах ЛДПР и исторических выводах ее лидера В. В. Жириновского, в которых содержится рецепт оздоровления и выживания России.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕВРАТНОСТИ АМЕРИКАНСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ	3
ИСТОРИЯ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И США	33
XIX век	35
Царствование Александра III (1881–1894)	38
Общественное мнение США о России	
на рубеже XIX–XX веков	42
Соперничество на Дальнем Востоке	43
Первая мировая война. Октябрьская революция	
и Гражданская война в России	45
СССР — США	60
Распад СССР и возобновление противостояния	
в XXI веке	64
ИСТОРИЯ АНТИРОССИЙСКИХ САНКЦИЙ:	
ОТ ИВАНА ГРОЗНОГО ДО НАШИХ ДНЕЙ	71
ПЛАНЫ ЗАПАДА (США) ПО РАСЧЛЕНЕНИЮ СССР И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	86
«Гарвардский проект»	102
Калининград: правовое регулирование	106
Восточная Украина: нейтрализация имперского	
экспансионизма	106
Заключение	108

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ ВЛАДИМИРА ЖИРИНОВСКОГО

В чем главная причина глобального отставания России?
В медлительности, громоздкости и неэффективности административной машины — как советской, так и нынешней. Отсюда и низкие результаты. Еще в 1958 году американцы усомнились в советском социализме, применив по отношению к СССР другой термин — «государственный капитализм». Любые решения принимаются непозволительно долго. Все в руках одного монстра — государства, которое и цены назначает, и производство и сбыт контролирует. Государственное участие необходимо, но не во всем и не totalное.

*

Санкции против России помогут национализировать ее политическую элиту. Надо жить и работать в собственной стране — прежде всего для ее благополучия, а не считать Россию удобной площадкой для зарабатывания денег, чтобы затем жить в роскоши за границей.

ISBN 978-5-4272-0060-8

© ЛДПР. Москва, 2020